ИБ205
П498

А. В. Пѣшехоновъ.

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ.

(Націонализація и соціализація).

Изданіе Журнала „Русское Богатство“.

Цѣна 20 к.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ПБ 205
П 498

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «ЗАДРУГА», Гончарная, ул., д. 24.
1917.

Библіотека очень проситъ бережно обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой, и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой, если загибаютъ углы страницъ, и т. п.

МОСК. ГОС.
ПОЛИТЕХНИЧ.
БИБЛИОТЕКА

А. В. Пѣшехоновъ.

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ.

(Національзація и соціализація).

Изданіе Журнала „Русское Богатство“.

333.
П·96.

7489

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «ЗАДРУГА», Гончарная, 24.
1917.

1ЭКЗ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ИБ205
П498

Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

12103

12103

Въ маѣ мѣсяцѣ 1907 г. въ „Русскомъ Богатствѣ“ подъ общимъ заглавіемъ „На очередныя темы“ я началъ статью объ аграрномъ законопроектѣ соціалистовъ-революціонеровъ, внесенномъ ими во вторую Думу. Началъ и не кончилъ... Государственная Дума была распущена, и моя тема изъ числа „очередныхъ“ была такимъ образомъ вычеркнута: посвященная одному изъ думскихъ законопроектовъ, она представлялась въ ту пору несвоевременной. Помѣщенный въ третьей книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1908 г. „Отвѣтъ“ г. Веніамина Маркова („Кто же субъектъ какого права?“ отвѣтъ А. В. Пѣшехонову) далъ мнѣ поводъ вернуться къ темѣ, которую я въ первой статьѣ далеко не исчерпалъ. И въ №№ 3 и 4 „Рус. Богатства“ за 1908 г. я помѣстилъ 2 статьи подъ заглавіемъ „Право на землю“. Въ настоящее изданіе входятъ всѣ три указанныя статьи. Является вопросъ: не утратили ли интереса и значенія эти статьи, написанныя 10 и 9 лѣтъ тому назадъ? Думается, что нѣтъ. Сами с.-ры, внося свой законопроектъ, вовсе не расчитывали тогда, что онъ будетъ осуществленъ Думой. Въ сущности это былъ даже не законопроектъ, расчитанный на опредѣленное соотношеніе общественныхъ силъ,—то была программа, выставленная съ цѣлью собрать таковыя.

Нашъ проектъ основного закона—заявилъ г. Мушенко, внося его въ Думу,—это не проектъ полюбовнаго соглашенія между борющимися классами. Нѣтъ. Борьба еще не кончена. Составляя нашъ проектъ, мы хотѣли дать трудовому народу, стремящемуся перестроить свои земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ на вопросъ, какіе земельные порядки наиболѣе удовлетворяютъ его потребности. Сила каждаго класса въ огромной степени зависитъ отъ того, насколько ясно представляетъ онъ свои интересы. Мы, повторяю, старались помочь трудовому народу въ этомъ и тѣмъ самымъ измѣнить соотношеніе силъ въ его пользу.

И меня интересовала тогда эта именно программная сторона законопроекта. Послѣдній давалъ поводъ и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, чтобы поставить и обсудить нѣкоторые программные

вопросы, какъ то затуманившіеся въ послѣдніе годы и сдѣлавшіеся даже спорными въ предѣлахъ одного направленія. Само собой понятно, что этого значенія законопроектъ с.-р. и вызванныя имъ статьи не утратили ни послѣ роспуска второй Думы, ни—особенно—теперь, когда аграрная проблема встала передъ нами, какъ очередная практическая задача. Болѣе, чѣмъ когда либо, теперь необходимы ясные и опредѣленные отвѣты на основные программные вопросы, съ которыми придется имѣть дѣло при осуществленіи земельной реформы.

Думаю, что мои старыя статьи будутъ въ этомъ случаѣ не лишними и я выпускаю ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Право на землю“.

А. Пѣшехоновъ.

Петроградъ, 22 іюля 1917 г.

Право на землю.

3 мая 1907 г. соціалисты-революціонеры внесли во 2-ую государственную Думу свой аграрный законопроектъ. Принціальныя основы его тѣ же, что и перводумскаго законопроекта 33-хъ. Первые параграфы послѣдняго почти дословно воспроизведены въ новомъ проектѣ. Я говорю: почти... Разница всетаки есть.

„Проектъ основного земельнаго закона", внесенный въ первую Думу, начинался такъ:

„Всякая *частная* собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ совершенно уничтожается".

Теперь этотъ параграфъ имѣетъ такой видъ:

„Всякая собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ и *навсегда* отмѣняется".

Вставлено новое слово: „навсегда". Авторы законопроекта какъ будто получили увѣренность, что ими найдена вѣчная форма земельныхъ отношеній. Съ другой стороны, выпущено слово „частная". Такимъ оброзомъ, подлежащей отмѣнѣ признается уже *всякая* собственность на землю. „Да,—читаемъ мы въ партійномъ комментаріи,—всякая: не только частная, но и государственная, и корпоративная и всякая иная" *),—не исключая, прибавимъ, общенародной. Послѣднее ясно видно изъ той поправки, какая внесена въ редакцію второго параграфа. Въ проектѣ 33-хъ онъ былъ изложенъ такъ:

„Вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общею *собственностью* всего населенія Россійскаго государства".

Теперь слово „собственность" замѣнено другимъ:

„Вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется *достояніемъ* всего населенія Россійскаго государства".

Еще болѣе замѣтную разницу приходится констатировать въ изложеніи 3-го параграфа. Въ перводумскомъ проектѣ онъ имѣлъ такую редакцію:

„Всѣ россійскіе граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе: а) землею для занятія сельскимъ хозяйствомъ; б) участками для постройки жилыхъ домовъ, хозяйственныхъ построекъ, а также фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и т. д. в) всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для постройки и отопленія. *Примѣчаніе.* Всѣ граждане и гражданки имѣютъ одинаковое, равное право принимать участіе въ рѣшеніи, какъ добывать и распредѣлять между гражданами и всѣ другія богатства земли".

---

*) „Извѣстія", 6 мая 1907 г.

Въ проектѣ, внесенномъ во 2-ю Думу, этотъ параграфъ изложенъ въ болѣе сжатой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ болѣе общей формѣ:

„На пользованіе этимъ достояніемъ (т. е. землею съ ея водами и нѣдрами) всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право".

Такимъ образомъ, „равное право на пользованіе" проектируется теперь по отношенію ко всему „достоянію", а не къ отдѣльнымъ только видамъ „общей собственности".

Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что вторымъ проектомъ предлагается болѣе радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса, чѣмъ прежнимъ. Насколько это впечатлѣніе основательно, мы увидимъ ниже. Сначала же постараемся уяснить себѣ самые принципы соціализаціи въ той формулировкѣ, какая была дана имъ во втородумскомъ законопроектѣ с.-р.

I.

Итакъ, всякая собственность на землю отмѣняется... Надо сказать, что формула эта 10 лѣтъ тому назадъ была такъ нова, что сами с.-р. не сразу могли сродниться съ нею. По крайней мѣрѣ, членъ Думы Мушенко, вносившій и обосновавшій законопроектъ, вовсе не оттѣнилъ въ своей рѣчи то, что такъ энергично подчеркнули „Извѣстія". Больше того: онъ все время говорилъ объ уничтоженіи частной собственности, противополагая ей и отстаивая собственность общенародную и общественную.

„Для насъ,—говорилъ онъ,—вопросъ: быть ли землѣ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ, или быть ей *собственностью* общественной—самый важный, самый коренной вопросъ въ предстоящей аграрной реформѣ... Мы утверждаемъ и требуемъ, чтобы вся земля была передана въ *собственность* всего народа".

Если мы обратимся къ партійной литературѣ, то увидимъ, что слова „собственность" и „достояніе" употреблялись въ ней, какъ равнозначащія, и, во всякомъ случаѣ, не противополагались другъ другу. Въ частности, если мы возьмемъ одну изъ самыхъ раннихъ статей, посвященныхъ аграрной программѣ, то увидимъ, что соціализація противопоставлялась въ ней индивидуализаціи (но отнюдь не національзаціи), при чемъ опредѣлялась какъ „организація уравнительнаго землепользованія на основѣ общественной поземельной *собственности* *).

П. А. Вихляевъ, который, повидимому, первый задался вопросомъ, не слѣдуетъ ли „отмѣнить" собственность, послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣтилъ на него отрицательно.

---

*) „Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ". „Революціонная Россія." № 15.

„Кто будетъ собственникомъ земли?“—спрашивалъ онъ, изложивъ свою ...сорію земельнаго права. „Не исчезаетъ ли при этомъ самое понятіе собствен...ости? Если смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія частнаго права и ...ѣмъ болѣе приписывать ей квалификацію абсолютнаго права, какъ это, на...римѣръ, дѣлаетъ французскій Code Civil, то такой видъ собственности на ...емлю неизбѣжно исчезаетъ. Но если разсматривать понятіе собственности въ ...я болѣе общемъ значеніи, то оказывается, что это понятіе свойственно вся...ому извѣстному въ исторіи порядку, и только содержаніе этого понятія мѣ...яется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній. Поэтому, нельзя ...е признать извѣстной степени справедливости за утвержденіемъ А. Менгера, ...то „собственность есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ вполнѣ ...зъ соціальной жизни человѣчества“. Оговариваюсь—пояснилъ г. Вихляевъ—...до извѣстной степени“, въ виду категоричности приложенія абсолютнаго по...нятія вѣчности къ чисто правовому понятію... Поэтому—продолжалъ онъ—...олѣе правильнымъ было бы, согласно Штамлеру, опредѣлить собственность, ...акъ понятіе, свойственное всякому мыслимому правовому состоянію обще...ства“ *).

Въ результатѣ этихъ размышленій и изысканій г. Вихляевъ ...а вопросъ, кто же будетъ собственникомъ при проектируемой ...ъ конструкціи земельнаго права, отвѣтилъ: „собственность на ...емлю становится народною...“

Укажу, наконецъ, вышедшій уже въ 1907 году сборникъ ... 1 „Соціализація земли“. Л. Э. Шишко, ссылаясь на статьи ...В. М. Чернова, печатавшіяся въ „Народномъ Вѣстникѣ“, ука...ываетъ въ немъ **) на необходимость измѣнить „юридическое ...редѣленіе собственности“, внести въ него „поправку“, но о та...ой радикальной поправкѣ, какая предложена была вслѣдъ за...ѣмъ во втородумскомъ законопроектѣ, онъ не упоминаетъ.

Наклонъ въ эту сторону, несомнѣнно, былъ, и самыя сообра...енія, которыми онъ обусловленъ, не новы: они имѣлись въ виду ...же при составленіи законопроекта 33-хъ. Поэтому, между прочимъ, ...и вижу въ видоизмѣненной редакціи не новый принципъ, а ...шь повую формулу. Но и за всѣмъ тѣмъ приходится при...ать, что до „отмѣны всякой собственности“ авторы новаго за...онопроекта скатились нѣсколько неожиданно,—и нѣтъ ничего ...удренаго, если таковая застала врасплохъ даже тѣхъ, кто ...олженъ былъ провозгласить ее съ думской трибуны.

Да и что значитъ отмѣнить *всякую* собственность? Въ мірѣ, ...есомнѣнно, есть „вещи“—напримѣръ: звѣзды или солнце на небѣ—...оторыя никому не принадлежатъ, по отношенію къ которымъ ...ѣтъ мѣста собственности. Несомнѣнно, что и вся земля съ ея ...драми и водами находилась когда-то въ такомъ же положеніи. ... теперь найдутся острова, быть можетъ, цѣлые материки, на ...оторыхъ еще никто не поднялъ своего флага. Но громадная ...асть земной суши и довольно большая часть водной поверх-

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“, ...тр. 47.

**) Л. Шишко. „Что такое соціализація“, стр. 33.

ности уже подѣлены между государствами и находятся въ ихъ „исключительномъ и неограниченномъ“ обладаніи. Если „собственность преимущественно выражаетъ особность, отдѣльность, исключительность права“ *), то государства, несомнѣнно, имѣютъ ее по отношенію къ занимаемымъ имъ территоріямъ. Мы горячо вѣримъ, что будетъ время, когда эта „особность“ исчезнетъ, когда между народныя границы будутъ стерты и флаги будутъ сняты, уступивъ мѣсто общему флагу всего человѣчества. Но сниметъ ли эти флаги проектируемая с.-р-ами отмѣна „всякой“ собственности, соціализація—то-жъ? Нѣтъ! Международныя границы остаются: всякая собственность на землю отмѣняется лишь „въ предѣлахъ Россійскаго государства“...

Больше того: внутри этихъ предѣловъ авторы втородумскаго законопроекта предлагаютъ узаконить цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ флаговъ. Упоминая о тѣхъ поправкахъ, которыя внесены въ первую статью, я не упомянулъ еще объ одной. Въ этомъ законопроектѣ къ ней сдѣланы два примѣчанія, которыхъ не было въ проектѣ 33-хъ, а именно:

„*Примѣчаніе 1.* Финляндія, какъ обладающая политическою автономіею, изъемлется изъ дѣйствія этого основного закона.

„*Примѣчаніе 2.* То же будетъ относиться и къ другимъ частямъ Россійской Имперіи, при полученіи ими аналогичнаго съ Финляндіей государственнаго устройства (Польша)“.

Эта поправка тѣмъ выразительнѣе, что отмѣна всякой собственности проектируется, какъ мы видѣли, „навсегда“. Авторы законопроекта, какъ пояснилъ въ своей рѣчи г. Мушенко, глубоко убѣждены, что „его основныя начала примѣнимы на всѣхъ ступеняхъ сельскаго хозяйства“, и что онъ „допускаетъ всевозможныя формы разселенія и культуры“. Дѣло, стало быть, въ мѣстныхъ особенностяхъ. Съ другой стороны, какъ мы знаемъ изъ той же рѣчи, „это не проектъ полюбовнаго соглашенія, разсчитанный на то или иное соотношеніе общественныхъ силъ.

„Составляя нашъ проектъ,—говорилъ г. Мушенко,—мы хотѣли дать трудовому народу, стремящемуся перестроить земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ на вопросъ: какіе земельные порядки наиболѣе удовлетворяютъ его потребности“.

Выдѣленіе при такихъ условіяхъ Финляндіи, Польши и вообще частей, обладающихъ „политическою автономіею“, основывается, очевидно, на признаніи за ними „особности“ права распорядиться землей, на признаніи за ними, какъ за государственными организаціями, „неограниченной власти надъ вещью“. Такъ из-

---

*) Слова В. Лешкова, на которыя ссылается, между прочимъ, въ печатаемой ниже статьѣ В. М. Черновъ („Народное Знамя“, 19 апрѣля 1907 года).

иначе, но собственность въ этомъ смыслѣ—въ смыслѣ „верховнаго обладанія“—законопроектомъ въ дѣйствительности не отмѣняется.

Можно, далѣе, представить себѣ, что въ опредѣленныхъ предѣлахъ—„въ предѣлахъ Россійскаго государства“, напримѣръ—земля не принадлежитъ никому въ особенности, то есть, говоря языкомъ россійскихъ законовъ, „ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни удѣламъ, ни установленіямъ“ и даже не состоитъ „въ вѣдомствѣ казны“. Представить себѣ это тѣмъ легче, что въ прошломъ, какъ мы знаемъ, земля находилась именно въ этомъ положеніи, была „ничья“, „Божья“, память о чемъ до сихъ поръ сохранилась въ сознаніи массъ. Характеризуя эту форму отношеній къ землѣ, когда „послѣдняя играетъ роль земли божьей или ничьей въ самомъ широкомъ смыслѣ народныхъ представленій на этотъ счетъ“, одинъ изъ изслѣдователей народнаго права пишетъ:

„Каждый разъ послѣ того, какъ человѣкъ воспользуется тѣмъ или другимъ даромъ природы, остальные непотребленные дары остаются и принадлежатъ всѣмъ другимъ людямъ. Землею и ея произведеніями люди пользуются такъ же, какъ воздухомъ, и никому въ голову не приходитъ, что она можетъ быть обращена въ исключительное пользованіе и тѣмъ болѣе въ завладѣніе. Связи съ землей не закрѣплены еще постоянствомъ отношеній и регулярнымъ приложеніемъ къ ней труда. Строго говоря, подобнымъ образомъ живутъ даже птицы, звѣри, и человѣческая жизнь на этихъ ступеняхъ отличается лишь признаками болѣе осмысленнаго и сознательнаго единства людей“ *).

Усиленныя ссылки комментаторовъ новаго законопроекта на „правосознаніе трудовыхъ массъ“ не только позволяютъ намъ, но и заставляютъ насъ задаться вопросомъ: не это ли первобытное или, лучше сказать, до-правовое состояніе земельныхъ отношеній является цѣлью проектируемой отмѣны всякой собственности на землю? Ставя этотъ вопросъ, я, конечно, вовсе не думаю отрицать того, что партія не только можетъ, но должна использовать воззрѣнія на землю, какъ на „ничью“, „Божью“, поскольку таковыя воззрѣнія сохранились въ крестьянскихъ массахъ. Но, какъ я себѣ представляю, эти воззрѣнія должны быть использованы съ отрицательной ихъ стороны: партія должна посмотрѣть на нихъ, какъ на пробѣлы въ народномъ правосознаніи, и воспользоваться этимъ свободнымъ мѣстомъ, которое: не успѣло захватить право частной собственности, чтобы шире и раздвинуть и прочнѣе укрѣпить общенародное право на землю. Но, можетъ быть, авторы законопроекта ставятъ себѣ другую цѣль? Можетъ быть, они надѣются использовать указанныя воззрѣнія въ положительной формѣ и желаютъ земельныя отноше-

(* Ф. Щербина. „Заимочное право“ (Сборникъ XI-й. Народно-соціалистическое Обозрѣніе. стр. 30 СПБ. 1907 г.).

нія, память о которыхъ сохранилась въ народѣ, возсоздать, как живой фактъ дѣйствительности?

Долженъ сказать, что у нѣкоторыхъ соціалистовъ-революціонеровъ мнѣ приходилось въ свое время встрѣчать такое именно пониманіе соціализаціи. Они разумѣли подъ нею пользованіе землею внѣ какихъ бы то ни было правовыхъ нормъ,—такое же свободное пользованіе, какъ пользованіе ягодами въ лѣсахъ, владѣльцы которыхъ не додумались еще до ягодныхъ билетовъ.

— „Гдѣ побольше ягодъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ собесѣдниковъ,—тамъ и бабъ толчется много; нѣтъ ягодъ,—ни одна не остановится. Такъ и съ землею будетъ: стоитъ только отмѣнить право собственности, и уравнительность землепользованія сама собой будетъ достигнута. Въ тундрѣ, гдѣ можно только оленей видѣть, люди будутъ жить на нѣсколько верстъ другъ отъ друга, на черноземѣ—тѣсниться будутъ. Въ результатѣ же получится полное уравненіе: законъ убывающаго плодородія почвъ свое дѣло сдѣлаетъ. Когда земля свободна и люди свободны, ренты—ни абсолютной, ни дифференціальной быть не можетъ“.

На это можно было бы, конечно, отвѣтить словами П. А. Вихляева (если бы, конечно, они въ то время были написаны):

„во всякомъ случаѣ мыслимо, если не въ реальной дѣйствительности, въ представленіи послѣдователей опредѣленнаго ученія такое соціальное состояніе общества, въ которомъ всякое право замѣняется свободнымъ договоромъ заинтересованныхъ лицъ“ *).

Другими словами: только будучи „послѣдователемъ опредѣленнаго ученія“, можно такъ рѣшать аграрный вопросъ.

Но авторы новаго законопроекта не анархисты. Въ до-правовое состояніе они возвращаться не желаютъ и черезъ правовое государство,—какъ мнѣ писалъ когда-то г. Новоторжскій **),—перепрыгнуть не надѣются. И землю они вовсе не желаютъ сдѣлать „ничьей“, оставить безъ хозяина. Они спѣшатъ указать ей, „въ первыхъ же строкахъ своего письма“—въ четвертомъ параграфѣ законопроекта:

„Верховнымъ распорядителемъ всей земли, съ ея водами и нѣдрами, въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ настоящимъ основнымъ закономъ, является собраніе народныхъ представителей; мѣстными распорядителями на тѣхъ же основаніяхъ являются органы мѣстнаго самоуправленія“...

Правда, этого хозяина они желаютъ ограничить „настоящимъ основнымъ закономъ“. Я не стану говорить о томъ, что и этотъ законъ кто-то долженъ установить. Допустимъ, что основной законъ установленъ, что власть надъ землею ограничена. Значитъ ли это, что собственность исчезла? Вѣдь только по очевидному недоразумѣнію г. Мушенко могъ сказать, а „Извѣстія“ подтвер-

*) „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“, стр. 47.
**) См. „Русское Богатство“, 1905 г. августъ.

дить, что собственность „это —неограниченная власть надъ вещью“. Таковъ лишь одинъ видъ собственности.

Собственность вообще понятіе условное. Г. Вихляевъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что „содержаніе этого понятія мѣняется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній“. Я скажу больше: при одномъ и томъ же экономическомъ строѣ оно бываетъ различно.

Для примѣра откройте хотя бы X томъ свода россійскихъ законовъ. Въ статьѣ 420-й (изд. 1887 г.) вы найдете опредѣленіе права *частной* собственности: это — „власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться имуществомъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому“. Замѣтьте: „въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ“ (не напоминаетъ ли это: „въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ настоящимъ основнымъ закономъ“...)*Въ сущности, наше законодательство даже не знаетъ „неограниченной“ власти надъ вещью и тѣмъ болѣе надъ землею; оно знаетъ лишь власть „независимую отъ лица постороннаго“, но не отъ законодателя. Таково право *полной* собственности. Но есть еще „право собственности *неполное*“. „Право собственности—говорится въ 432 ст.—бываетъ неполнымъ, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, такъ же не полными на то же самое имущество правами“. Права пользованія, владѣнія и распоряженія, составляя въ своей совокупности право собственности, могутъ быть и отдѣлены отъ послѣдняго, при чемъ право собственности всетаки остается. Въ частности, согласно ст. 515, когда по распоряженію правительства отводятся казенныя земли или угодья въ надѣленіе, тогда право собственности на тѣ земли сохраняется казнѣ, а тѣмъ, кому тѣ земли и угодья отведены, принадлежитъ одно право владѣнія“. Кромѣ полнаго и неполнаго, есть еще „право собственности *общее*“ (ст. 543). Есть еще „право собственности въ заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ“ (ст. 485 и слѣд.). Есть еще „право собственности въ имѣніяхъ, жалуемыхъ подъ именемъ майоратовъ“ (ст. 500 и слѣд.). Есть право собственности, ограниченное „правомъ участія общаго“ и ограниченное „правомъ участія частнаго“... Однимъ словомъ, не напрасно въ перводумскомъ законопроектѣ было сказано, что отмѣняется „всякая“ частная собственность. Какъ видятъ читатели, даже частная собственность имѣется разная.

Между тѣмъ, согласно 421 ст., „отъ права частной собственности отличается право собственности *государственной*, состоящее въ верховномъ обладаніи государственными имуществами, въ пользованіи или распоряженіи оными“. Изъ государ-

ственныхъ имуществъ, „поколику они состоятъ въ вѣдомств казны“, выдѣляются въ особый видъ еще имущества *казенны* (ст. 406).

Я перечислилъ, да и то не всѣ, виды собственности, уста новленные въ X томѣ. Между тѣмъ, сколько еще узаконен ихъ особыми „учрежденіями“, „положеніями“ и „приложеніями“ Есть собственность удѣльная и собственность кабинетская. На дѣльныя земли считаются „собственностью“ крестьянъ съ мо мента выхода ихъ на выкупъ, и мнѣ нечего, конечно, напоми нать, что это право собственности имѣетъ свое особое содержа ніе. Есть право собственности войсковоіі и право собственност казачьей,—съ разнымъ опять-таки содержаніемъ... Однимъ сло вомъ, видовъ собственности, въ особенности поземельноіі, много

Я не берусь, конечно, судить, могъ ли какоіі-либо из существующихъ видовъ собственности удовлетворить тѣмъ цѣ лямъ, какія ставятся соціализаціи. Можетъ быть, для этог понадобилось бы создать новыіі видъ, наполнить понятіе соб ственности новымъ содержаніемъ. Но до отмѣны всякоіі соб ственности—до отмѣны власти надъ землею—авторы законопро екта дошли, какъ я думаю, по недоразумѣнію. Увлекшись пре слѣдованіемъ ненавистнаго „квиритскаго права“, они, повиди мому, упустили изъ виду, что имѣютъ дѣло съ „понятіем свойственнымъ всякому мыслимому правовому состоянію обще ства“. Но выскочить изъ правовыхъ рамокъ нельзя, и тако задачи авторы законопроекта, конечно, себѣ не ставили. Поэтому отмѣнивъ „власть надъ вещью“, они сами же немедленно е возстановили.

Отмѣна свелась, въ сущности, къ замѣнѣ, менѣе звучнаг слова—болѣе звучнымъ, юридическаго термина—литературным выраженіемъ, „собственности“—„достояніемъ“. Такую замѣну если бы она осуществилась, я готовъ даже привѣтствовать: мн лично слово „достояніе“ тоже больше нравится, чѣмъ „собстве ность“. Боюсь только, что не такъ легко осуществить эту за мѣну... Наглядный примѣръ на этотъ счетъ далъ намъ г. Мушенк

Какъ бы то ни было, право частноіі собственности должн быть похоронено. Если для этого обязательно нуженъ гробъ такимъ гробомъ можетъ быть только слово, которымъ это прав при своей жизни пользовалось, то останавливаться передъ тру ностями не приходится. Закопаемъ этотъ гробъ глубже вобьемъ, какъ любилъ выражаться въ такихъ случаяхъ свящ Григорій Петровъ, осиновый колъ,—крѣпко вобьемъ,—чтобы н всталъ ненавистный, много натворившіі зла на своемъ вѣку покойникъ.

Долженъ, однако, признаться, что эта обрядовая сторон вопроса представляется мнѣ не особенно важной. Для мен какъ для соціалиста, принципъ важнѣе формулы, содержан

понятія важнѣе его словеснаго выраженія. И если я позволилъ себѣ задержать вниманіе читателей на данномъ вопросѣ, то только потому, что онъ связанъ съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ.

II.

Итакъ, „власть“ надъ землею—власть въ формѣ „права“—останется. Кому должна принадлежать эта власть? Другими словами: кто долженъ считаться субъектомъ права на землю? Отвѣтъ получить не трудно.

„Соціализація земли есть *обращеніе земли изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общественное достояніе.* Другими словами, земля изъемлется изъ-подъ власти частныхъ лицъ и становится объектомъ воли всего народа“.

Этотъ отвѣтъ я заимствую изъ упомянутаго выше сборника „Соціализація земли“ *). Слова, напечатанныя курсивомъ, взяты цитируемымъ мною авторомъ изъ программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ; данный имъ къ этимъ словамъ комментарій мы находимъ въ изданіи, несомнѣнно, партійнаго происхожденія.

Итакъ, отвѣтъ ясенъ. Земля должна стать объектомъ народной воли, власть надъ землею должна принадлежать народу. Но...

„Воля народа есть понятіе юридическое... Тѣ правоположенія, на основаніи которыхъ возникаетъ юридическая воля народа, предполагаютъ извѣстную организацію, и эту организацію даетъ государство“ **).

Проще говоря: выразить и осуществить свою волю народъ можетъ только при посредствѣ государства. Поэтому сказать, что власть надъ землею должна принадлежать народу, значитъ, въ сущности, сказать, что она должна принадлежать государству.

Но государство уже имѣетъ власть надъ своею территоріею въ качествѣ верховнаго обладателя, повелителя и управителя. Изъемля землю изъ-подъ власти отдѣльныхъ лицъ и группъ, оно получаетъ новую власть надъ нею — ту, которая принадлежала частнымъ собственникамъ. Спрашивается: та и другая власть должны ли слиться въ одномъ институтѣ, или должны существовать и осуществляться раздѣльно? Должна ли новая власть, которую получитъ государство, отлиться въ публично-правовую форму, или она можетъ сохранить нынѣшній частно-правовой характеръ?

---

*) Л. Закъ. „Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе“. Страницы 44—45.

**) Ib.

Чтобы пояснить вопросъ, возьму примѣръ изъ другой области. Государство собираетъ налоги и получаетъ доходы; налоги оно собираетъ принудительнымъ путемъ, доходы можетъ получать лишь въ результатѣ добровольныхъ сдѣлокъ; въ первомъ случаѣ оно дѣйствуетъ въ качествѣ повелителя, во второмъ—въ качествѣ хозяина. Не всегда, конечно, эти два права можно разграничить. Въ частности, можно указать винную монополію, которая при частно-правовой оболочкѣ имѣла, несомнѣнно, публично-правовую сущность.

По отношенію къ нынѣшнимъ государственнымъ имуществамъ власть государства принимаетъ то двойственную, то слитную форму. Казенные лѣса и земли въ значительной ихъ части эксплоатируются казною на частно-правовыхъ основаніяхъ, хотя, конечно, государство сохраняетъ и нерѣдко осуществляетъ по отношенію къ нимъ свою власть публично-правового характера. Съ другой стороны, по отношенію къ такимъ государственнымъ имуществамъ, какъ морскіе берега, озера, судоходныя рѣки, большія дороги, если не исключительно, то преимущественно государство осуществляетъ свою власть въ публично-правовой формѣ.

То обстоятельство, что нынѣшнее государство по отношенію къ своимъ имуществамъ охотно пользуется „властью“ въ частно-правовыхъ ея формахъ, заставляетъ многихъ не только недовѣрчиво, но и опасливо относиться къ націонализаціи. Въ самомъ дѣлѣ: изъятіе земли изъ-подъ власти отдѣльныхъ лицъ и группъ и подчиненіе ея государственной власти не сведется ли въ концѣ концовъ къ тому, что вмѣсто множества частныхъ собственниковъ получится одинъ въ лицѣ государства? Вся земля вмѣсто народнаго достоянія не сдѣлается ли просто-напросто казенною землею, эксплуатируемою на частно-правовыхъ основаніяхъ? Безправные по отношенію къ землѣ граждане окажутся тогда лицомъ къ лицу съ частнымъ собственникомъ, но собственникомъ-монополистомъ, собственникомъ, располагающимъ помимо того принудительною по отношенію къ этимъ гражданамъ властью, которою онъ, конечно, не упуститъ случая воспользоваться, разъ это выгодно будетъ въ его собственническихъ интересахъ. Вѣдь и теперь казна, ведя частное хозяйство, нерѣдко пользуется недоступною остальнымъ частнымъ хозяевамъ властью, хотя бы, напримѣръ, въ формѣ безспорнаго взысканія слѣдуемыхъ ей платежей. Положеніе трудового народа при такой реформѣ не только не улучшится, но ухудшится.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, себѣ, что государство пользуется правомъ суда, какъ частный собственникъ: оплатитъ гражданинъ его услуги—оно судитъ, не въ силахъ заплатить—оставляетъ въ безсудномъ положеніи. Представьте себѣ, что оно такъ же пользуется полицейскимъ правомъ во всѣхъ его видахъ

и охраняетъ, лѣчитъ, учитъ и т. д. только тѣхъ, кто вошелъ съ казною на этотъ счетъ въ добровольную сдѣлку...

Нужно сказать, что такая тенденція, несомнѣнно, имѣется въ современномъ государствѣ и сказывается не только въ такихъ сферахъ, какъ учебное дѣло, но и въ такихъ, какъ судъ. Въ былыя же времена даже военною силою государство позволяло себѣ пользоваться, какъ частною собственностью, и нѣкоторые владѣтели, какъ мы знаемъ, пополняли свою казну тѣмъ, что отдавали свои войска въ наемъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ жизни имѣется и, какъ можно думать, усиливается совершенно обратная тенденція, а именно не только функціи, изданпа осуществляемыя государственною властью, но и многія изъ тѣхъ, которыя всецѣло входили въ сферу частнаго хозяйства, выполнять въ публично-правовыхъ формахъ. Въ качествѣ примѣра укажу медицину. На западѣ медицинская помощь это—товаръ, врачебная практика это—частное коммерческое предпріятіе. Во Франціи, напримѣръ, отношенія между больнымъ и врачемъ имѣютъ „обнажепно-коммерческій“ характеръ.

„Всюду, какъ правило,—говоритъ по этому поводу г. Бердичевскій,—установлена точно плата за визитъ къ врачу и за посѣщеніе на дому, оцѣниваемое соотвѣтственно разстоянію. Каждое вспрыскиваніе, вырываніе зуба, мелкая операція, акушерская помощь—все подвергнуто точной расцѣнкѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣна устанавливается по взаимному соглашенію Плата за лѣченіе обыкновенно вносится по полученіи паціентомъ счета. счета свыше 10 франковъ подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ“ *).

Медицина здѣсь отлилась уже въ строго выработанныя частноправовыя формы. Prix fixe (для крупныхъ заказчиковъ особое соглашеніе), уплата за товаръ по предъявленіи счета; ведется торговая книга, и „ссылка на эту книгу даетъ врачу въ руки документальныя основанія для вчпнанія иска“; практику можно продать, какъ „продается фирма, располагающая опредѣленнымъ рынкомъ сбыта“; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна помощь спеціалиста, роль постояннаго врача принимаетъ характеръ выгоднаго посредничества,—и обычай здѣсь выработалъ такъ называемую дихотомію т. е. дѣлежъ гонорара пополамъ между двумя коллегами“...

Совершенно иную постановку получила медицина у насъ въ земствѣ. Взявъ это дѣло въ свои руки, земство могло, конечно, поставить его на частно-правовой основѣ, открывъ торговлю по вольной цѣнѣ медицинской помощью. Въ дѣйствительности, однако, сложились совершенно иныя отношенія. Напявъ врачей, построивъ больницы и купивъ лѣкарства, земство предоставляетъ затѣмъ пріобрѣтенныя имъ такимъ

---

*) Г. Бердичевскій. „Перспективы русской общественной медицыны“ „Русское Богатство“, 1907 г., февраль.

путемъ—въ данномъ случаѣ, частнымъ путемъ—договорныя и вещныя права населенію. Граждане получаютъ медицинскую помощь не въ силу частныхъ сдѣлокъ, которыя могли бы заключить они, хотя бы съ тѣмъ же земствомъ, а въ силу публичнаго права, предоставляемаго имъ общественной властью Я говорю: предоставляемаго имъ общественною властью, такъ какъ отъ послѣдней—въ данномъ случаѣ отъ земства—всецѣло зависятъ предѣлы и формы этого права. Отъ земства зависитъ, лѣчить ли всѣхъ больныхъ или только опредѣленныя ихъ категоріи, лѣчить ли ихъ на дому, въ амбулаторіи или въ больницѣ и т. д.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно отмѣтить, что и на Западѣ, при всей прочности тамъ частно-правовыхъ формъ, наблюдается несомнѣнная тенденція къ обращенію медицины въ общественную службу. Теченіе это является результатомъ, какъ отмѣчаетъ г. Бердичевскій, двоякаго давленія: съ одной стороны, общественнымъ учрежденіямъ приходится считаться съ потребностями трудовыхъ массъ, которыя не въ состояніи частнымъ путемъ обезпечить себѣ медицинскую помощь; съ другой стороны, въ данномъ случаѣ сказывается развитіе самой медицины, требующей клиникъ и больницъ съ кабинетами и лабораторіями, со сложными приборами и приспособленіями, со спеціализаціей труда и т. д., каковыя крупныя учрежденія, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, „почти повсюду составляютъ общественное достояніе и только въ относительно немногихъ случаяхъ принимаютъ характеръ частнаго владѣнія“.

Оглядываясь, я вижу, что сдѣлалъ довольно большое отступленіе отъ своей основной темы. Вопросъ, который я вынужденъ былъ затронуть на послѣднихъ страницахъ, крайне сложенъ, такъ какъ сочетаніе частнаго и публичнаго права въ различныхъ общественныхъ институтахъ до нельзя прихотливо, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ не механическую только смѣсь ихъ, но и какъ бы химическое ихъ соединеніе,—что, быть можетъ, указываетъ на возможность нѣкотораго новаго правообразованія. Не задаваясь цѣлью подвергнуть тотъ или иной изъ этихъ институтовъ анализу, я считалъ не лишнимъ всетаки привести нѣсколько примѣровъ, чтобы пояснить значеніе формулированной мною выше дилеммы: какой же характеръ должна получить изъятая у отдѣльныхъ лицъ и группъ и перешедшая къ народу власть надъ землею? Должна ли она осуществляться въ публичныхъ или частныхъ правовыхъ формахъ?

Съ соціалистической точки зрѣнія отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Доказывая, что право на землю должно быть публичнымъ, В. М. Черновъ въ своемъ комментаріи къ раз-

матриваемому нами законопроекту ссылается, между прочимъ, а Менгера и указываетъ, что

„будущее трудовое народное государство постепенно поглотитъ въ публичномъ правѣ право частное, сольетъ ихъ, превративъ удовлетвореніе всѣхъ важнѣйшихъ потребностей человѣческой жизни въ основную государственную заботу. Буржуазное право, напротивъ, своею сущностью полагаетъ тщательное ограниченіе частнаго права отъ публичнаго. Удовлетвореніе важнѣйшихъ человѣческихъ матеріальныхъ потребностей оно оставляетъ въ области частнаго права, предоставляя въ этомъ отношеніи каждаго человѣка его собственнымъ силамъ и „борьбѣ за существованіе съ себѣ подобнымъ“ *).

Но для законодателя важны не только историческія перспективы, открываемыя научною мыслью, но и то, можетъ ли право на землю, въ качествѣ публично-правового института, найти себѣ опору въ правовыхъ воззрѣніяхъ даннаго народа въ данную эпоху. Въ этомъ отношеніи представляются крайне важными результаты анализа тѣхъ общинныхъ воззрѣній на землю, какія сохранились въ русскомъ народѣ и въ которыхъ люди нашего направленія всегда стремились найти опору своей аграрной программѣ.

В. М. Черновъ напоминаетъ въ своей статьѣ, что уже В. Лешковъ близко подошелъ къ пониманію правового характера общины, какъ зародыша публично-правового института. „Общинное владѣніе,—писалъ онъ,—сообщаетъ общинѣ полнѣйшую власть на ея земли и не только право собственности, но господство, dominium, и даже хотя частью imperium въ формѣ управленія посредствомъ сходовъ“. Общинное владѣніе, по мнѣнію Лешкова, подобно „праву государства и народа на ихъ землю“ и выражается такъ, что въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ „общины осуществляютъ право своего народа на землю“.

Указывая въ свое время такое именно происхожденіе общиннаго права на землю и напоминая, что община составляла когда-то „органическую часть государства“, „имѣла характеръ территоріальнаго союза, правоспособнаго выполнять государственныя функціи“ я отмѣтилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту двойственность положенія, въ какую поставила ее исторія. „Теперь она представляетъ—писалъ я—нѣчто промежуточное между общественно-принудительнымъ союзомъ и частно-правовымъ,—и въ этомъ, какъ я думаю, заключается одна изъ главныхъ причинъ ея довольно фальшиваго положенія въ жизни. Съ одной стороны, члены общины объединены между собою по территоріальному признаку, и она располагаетъ въ извѣстной мѣрѣ принудительной властью. Съ другой стороны, она охватываетъ уже не все населеніе, находящееся на данной территоріи, и, заслоненная сельскимъ

*) Викторъ Черновъ, „Соціализація земли и община“. „Народное Знамя“, 19 апрѣля 1907 г. (№ 1).

БИБЛИОТЕКА
ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

обществомъ, утратила уже значительную часть своихъ полити-ческихъ функцій. Такой же двойственный характеръ имѣютъ этношенія общины къ землѣ: съ одной стороны, члены е являются какъ бы только товарищами въ общемъ имуществѣ съ другой—община въ цѣломъ какъ будто имѣетъ такія прав на землю, какихъ не имѣютъ эти товарищи въ отдѣль-ности“ *).

„Публично-правовая сущность общины,—писалъ потомъ В. М. Черновъ,—пробилась наружу сквозь толщу законодательства. Хотя община и была de jure какъ будто превращена въ обыкновенное частно-правовое соединеніе земле-дѣльцевъ, но фактически это не удалось. То же самое начало—хотя бы прав постановленія о передѣлахъ по большинству голосовъ (хотя и повышенном закономъ до 2/3) или хотя бы право общины до истеченія срока передѣл совершать частные передѣлы, т. е. скидки и накидки тяголъ—осталось в рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми основаніями дѣйствія частно-правовыхъ дого воровъ. Въ немъ воплотилось общее демократическое начало *самоуправленія* въ область вѣдѣнія котораго вошло и завѣдываніе земельнымъ имуществом на началѣ равенства правъ членовъ коллективности. Но эта публично-правова сущность общины, пробившаяся наружу, была затемнена и со всѣхъ сторон урѣзана началомъ *сословности*, а не безсословной территоріальности“ **).

Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что нынѣшнюю общину, публично-правовая сущность которой такъ долго была затемнена и урѣзана началомъ сословности, непремѣнно нужно „взять за центральную ось реформы“. По крайней мѣрѣ, л лично утверждать это столь категорически не рѣшился бы.

„Въ нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи—писалъ я въ только что цитированной статьѣ—русская земельная община остаться не можетъ и должна будетъ эволюціонировать въ ту или другую сторону. Она должна или сдѣлаться частно-право-вымъ, добровольнымъ союзомъ, или же возродиться въ качествѣ территоріальнаго союза, войти въ составъ государства въ каче-ствѣ его органической части. Возможно, что судьба общины не во всѣхъ случаяхъ будетъ одинакова“. Такимъ образомъ я допускалъ и допускаю возможность разной роли для нынѣшней общины въ земельной реформѣ. Несомнѣнно, и В. М. Черновъ понимаетъ, что не такъ просто будетъ эту „ось“ вставить въ колеса реформы.

„Современная община—говорилъ онъ—не въ такомъ положеніи, чтобы она могла дольше оставаться въ томъ же видѣ, какъ теперь. Напротивъ, какъ правовое, такъ и хозяйственное положеніе ея до такой степени запутано, что всякій планъ поземельной реформы долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и планомъ распутыванія этой путаницы“.

---

*) См. кн. „Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движе-ніемъ“, стр. 124—125 изд. 1906 г.

**) „Народное Знамя“, № 1, 1907 г.

Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ это не такъ важно *). Дѣло вѣдь не въ Ивановкахъ и другихъ конкретныхъ общинахъ, какія имѣются въ Россійскомъ государствѣ и которыя могутъ найти то или иное себѣ мѣсто въ новомъ аграрномъ строѣ, а въ наличности въ народной средѣ воззрѣній, которыя могли бы послужить основой публичнаго права на землю. Но мы имѣемъ нѣчто большее, чѣмъ одни воззрѣнія,—мы имѣемъ прообразъ самаго института въ лицѣ общины. Пусть это недоразвитая и даже исковерканная форма, но и за всѣмъ тѣмъ вопросъ—первый вопросъ, который мы встрѣтили, какъ только уяснили себѣ, что передать власть надъ землею народу значитъ передать ее государству,—представляется вполнѣ возможнымъ рѣшить согласно съ принципами соціализма и правосознаніемъ народа. Новая власть надъ землею, которую получитъ государство

---

*) Позволю себѣ, въ прочемъ, сказать нѣсколько словъ pro domu sua. В. М. Черновъ упоминаетъ въ цитируемой статьѣ о „людяхъ, искренно считающихъ себя друзьями общины и, тѣмъ не менѣе, готовыхъ превратить ее въ простой *хозяйственный союзъ, освободивъ ее отъ довольно тяжелой для нея, какъ хозяйственнаго союза, обязанности быть носительницей коллективнаго права на землю*—обязанности, которая *вносила элементъ принужденія въ ея жизнь*. Но превратить общину въ такой союзъ,—говоритъ онъ,—значитъ признать, вслѣдъ за Столыпинымъ, ея переходъ на положеніе общей собственности съ правомъ выдѣла отдѣльныхъ участковъ“. Напечатанныя курсивомъ слова взяты изъ моей статьи, на что ссылается авторъ. Читателямъ, послѣ сдѣланныхъ мною выдержекъ изъ той же статьи, не трудно догадаться, что эти слова относятся къ тому случаю, если общинѣ предстоитъ превратиться въ „хозяйственный союзъ“, въ „товарищество“. О томъ, что права на землю должны при этомъ, какъ я указывалъ, перейти къ другой коллективности, но уже государственнаго характера, а также о другой возможности, которую я предусматривалъ, а именно, что нынѣшняя община сама можетъ возродиться въ качествѣ такого государственнаго союза, В. М. Черновъ не упомянулъ, что ему и дало возможность пожалѣть „А. В. Пѣшехонова, который здѣсь невольно поддается вліянію либерально-индивидуалистическихъ реформаторовъ общины“, а за одно ужъ и отправить этого самаго Пѣшехонова, хотя бы „невольно“, по стопамъ Столыпина... Я бы не сталъ, пожалуй, даже упоминать объ этомъ эпизодѣ, если бы въ связи съ нимъ я не имѣлъ возможности отмѣтить одну изъ особенностей и при томъ довольно важную особенность законопроекта, которому посвящена настоящая статья. Въ § 5 „Мѣръ по введенію закона“ въ немъ сказано: „Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ хозяйствомъ: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда территоріальная община по составу населенія приблизительно совпадаетъ съ бывшей владѣнной общиной, онѣ сливаются, при чемъ права и обязанности послѣдней переносятся на первую; б) въ тѣхъ случаяхъ, когда территоріальная община охватываетъ двѣ или нѣсколько бывшихъ владѣнныхъ общинъ, имъ предоставляется или образовать одну общину и слиться съ общиной территоріальной, или перейти на положеніе земельнаго товарищества“... Такимъ образомъ авторы законопроекта не рѣшились нынѣшнюю („владѣнную“) общину просто на просто „взять за центральную ось реформы“, а предпочли предусмотрѣть возможность двухъ выходовъ; а именно: или превращеніе нынѣшней общины въ территоріальную (въ смыслѣ „муниципіи“, какъ я указывалъ въ своей статьѣ и какъ поясняетъ теперь В. М. Черновъ), или же переходъ ея на положеніе „товарищества“ (т. е. „хозяйственнаго союза“).

съ изъятіемъ ея изъ-подъ власти частныхъ лицъ, можетъ должна слиться съ его прежней властью въ одномъ институтѣ,- и этотъ институтъ В. М. Черновъ, какъ я думаю, указалъ со вершенно правильно: таковымъ можетъ и должно быть *само управленіе*.

Но этимъ еще не устраняется возможность другихъ ослож неній. И они дѣйствительно оказались на пути къ „соціализаціи

III.

„Собственность“ мы глубоко закопали. Памятуя объ этом я въ предъидущей главѣ пользовался всякими другими, может быть, не всегда подходившими выраженіями, но ни разу, з исключеніемъ цитаты изъ Лешкова, не употребилъ отмѣненнаг „навсегда“ слова. Но теперь мнѣ придется хотя бы на врем вырыть его изъ могилы. Намъ предстоитъ осмотрѣть ту наклонну плоскость, о которой я упоминалъ выше и по которой автор законопроекта дошли до отмѣны „всякой“ собственности. В самомъ дѣлѣ, не за словомъ же они гнались. Очевидно, у них имѣлись другія, болѣе серьезныя соображенія, которыя привел ихъ къ этому пункту. Съ этими соображеніями намъ и пред стоитъ теперь ознакомиться. Впрочемъ, не только съ самым соображеніями, но и съ исторіей ихъ происхожденія.

Передать власть надъ землею народу значитъ, какъ мы видѣли, передать ее государству. „Власть надъ вещью“, о ко торой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь,—это право собственности и передать ее государству значитъ обратить землю изъ частнаг достоянія въ государственную собственность.

Но современное государство—это же вѣдь организаці классового господства, господства буржуазіи, тѣхъ же частных собственниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ марксисты Передать землю при такихъ условіяхъ государству не значит ли, въ сущности, передать ее классу тѣхъ же собственниковъ изъ-подъ разрозненной власти которыхъ, какъ отдѣльныхъ лиц она только что изъята? Самой собой понятно, что примѣс феодальныхъ остатковъ къ буржуазному государству не только не умаляетъ, но и увеличиваетъ еще проистекающую отсюд опасность.

„Нѣмецкіе соціалъ-демократы,—читаемъ мы въ упоминавшейся ун статьѣ въ „Революціонной Россіи“,—естественно, считаютъ при данныхъ по литическихъ условіяхъ огосударствленіе (Verstaatlichung) земли слишком опасной мѣрой (см. Каутскаго „Die Agrarfrage“)... И Вандервельдъ, въ своем послѣднемъ трудѣ, также признаетъ, что если власть въ государствѣ слишком въ большой мѣрѣ сосредоточивается въ рукахъ монарха или правящей оли гархіи, то въ таковомъ классовомъ, полу-абсолютистскомъ и милитаристском государствѣ соціалисты всегда первые будутъ возставать противъ огосудар ствленія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ народнохозяйственныхъ отраслей, так

какъ оно можетъ быть использовано въ исключительныхъ интересахъ суверена или господствующаго класса" *).

Ссылка въ этомъ случаѣ на „данныя политическія условія" такъ же, какъ и на „суверена", въ сущности лишь затумани-ваетъ основное соображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если государство есть организація классового господства и если господствующимъ классомъ впредь до „полной побѣды" неизбѣжно останется бур-жуазія, то и при демократическомъ строѣ „огосударствленіе" земли является крайне опасной мѣрой, какъ всякое усиленіе государственной власти, т. е. власти буржуазіи. Правда, бель-гійскіе, голландскіе и англійскіе соціалъ-демократы, повидимому, уже убѣдились, что государство можетъ осуществлять волю не только буржуазіи. Если они въ чемъ и расходятся между собою, то только въ опредѣленіи ступени, на которой государственная власть перестаетъ быть опасной для трудящихся классовъ. Такъ или иначе, но всѣ они уже ввели—правда, на разныхъ ступеняхъ и въ разныхъ размѣрахъ—огосударствленіе земли въ свои программы. Убѣдились въ этомъ, повидимому, и русскіе соціалъ-демократы, включившіе въ свою программу муниципали-зацію. Очевидно, они признаютъ, что уже на областной ступени государственной организаціи пролетаріатъ можетъ успѣшно со-стязаться съ буржазіей и вырвать изъ ея рукъ въ свою пользу хотя часть ренты... Но изложенное мною возраженіе противъ огосударствленія земли всегда выдвигалось съ особою настой-чивостью.

По существу съ этимъ возраженіемъ мнѣ уже приходилось имѣть дѣло въ прежнихъ моихъ работахъ. Въ данномъ же мѣстѣ для меня важно лишь напомнить,— это я отмѣчалъ уже и раньше,—что партія соціалистовъ-революціонеровъ складывалась и росла подъ сильнымъ давленіемъ марксизма, и вліяніе марк-систской аргументаціи, несомнѣнно, сказывалось и до сихъ поръ сказывается въ ея программныхъ построеніяхъ. Недовѣріе къ государству, опирающееся въ конечномъ счетѣ на узко-классо-вую теорію, таковъ одинъ изъ элементовъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Но намъ придется имѣть дѣло и съ другимъ. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностью и коллективностью— вообще трудный, а для нашего соціалъ-народническаго направ-ленія въ особенности жгучій — далеко не всегда выдержанно рѣшался въ средѣ с.-р. Перегибъ въ сторону личности и, въ частности, въ сторону „захвата" въ ущербъ „праву" особенно часто приходилось наблюдать въ аграрномъ вопросѣ. Уже въ 1905 году я счелъ долгомъ отмѣтить, что «среди друзей по на-

---

*) „Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ". „Рево-люціонная Россія", № 15.

правленію появилась струя аполитизма», и энергично подчерк
нуть мысль, что „мы еще долго должны будемъ оставаться
государственниками“ *). То было подцензурное время, и я дол-
женъ былъ проявлять особую деликатность въ выраженіяхъ
Теперь ту же струю я безъ обиняковъ могу назвать струей
анархизма. Выше я уже привелъ примѣръ, какою подъ этимъ
вліяніемъ представлялась нѣкоторымъ с.-р. соціализація.

Таковы два давленія, подъ которыми складывалась партія
с.-р. Марксизмъ давилъ извнѣ, проникая, конечно, и внутрь
партіи какъ въ формѣ невольно усвоивавшихся аргументовъ,
такъ и въ лицѣ выросшихъ подъ марксистскимъ вліяніемъ чле-
новъ. Анархизмъ давилъ извнутри, вырываясь подчасъ съ
шумомъ наружу въ формѣ максимализма или незамѣтно питая
многочисленные уже ручьи анархизма. Слѣды этихъ вліяній не
трудно найти и въ исторіи аграрной программы.

Прежде всего самый терминъ. Теперь соціализація пони-
мается, какъ нѣчто болѣе высшее и совершенное, чѣмъ націо-
нализація. Но было время, когда соціализація разсматривалась
какъ своего рода этапъ на пути къ націонализаціи.

„Если дальнѣйшее политическое развитіе,—говорилось въ только что
цитированной мною статьѣ „Рег[illegible]оціонной Россіи“,—пойдетъ не путемъ
крутыхъ переломовъ, а путемъ медленнаго перерожденія монархической оли-
гархіи въ конституціонную, то, можетъ быть, еще долго русскимъ соціали-
стамъ придется отстаивать самостоятельность общины отъ регулирующаго
вліянія государства, хотя въ принципѣ, конечно, самымъ раціональнымъ
представлялся бы контроль высшихъ органовъ народнаго самоуправленія
надъ низшими, контроль, цѣль котораго—уравновѣшивать естественныя пре-
имущества и неравенство между отдѣльными мѣстными группами населенія.
Теперь будетъ понятно, почему въ программѣ крестьянскаго союза партіи
соціалистовъ-революціонеровъ стоитъ не популярное слово *націонализація
земли,* а болѣе общее *соціализація,* не предрѣшающее передачи всѣхъ
собственническихъ и распорядительныхъ правъ въ руки именно центральной
власти“.

Итакъ, „въ принципѣ“ самымъ раціональнымъ представля-
лась бы націонализація, но тогда—это писалось во времена
Плеве—нельзя еще было расчитывать на „крутой переломъ“, и
потому признано было за лучшее положить въ основаніе про-
граммы „болѣе общее“ понятіе—соціализацію. Но самая соціа-
лизація понималась тогда въ очень тѣсномъ смыслѣ: „изъ трехъ
типовъ“ **) земельно-соціализаторской политики къ нашимъ

---

*) См. „Аграрная проблема“, стр. 39.

**) Чтобы читателямъ ясно было, о какихъ трехъ типахъ говорится
здѣсь, приведу характеристику ихъ изъ той же статьи, „Основное требованіе
соціализаціи земли можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется въ аграр-
ныхъ программахъ соціалистическихъ партій различныхъ европейскихъ госу-
дарствъ. Такъ напримѣръ, *государственный* элементъ шире всего представленъ
въ аграрныхъ требованіяхъ англійской Соціалъ-демократической Федераціи
(ортодоксально-марксистская фракція англійскихъ соціалистовъ), которая вы-

условіямъ всего болѣе будетъ подходить—говорилось далѣе—голландскій типъ, при которомъ на первый планъ выдвигается *„коммунализація земли“*. Если имѣть въ виду только форму владѣнія (но не хозяйства), то соціалисты-революціонеры въ своей аграрной программѣ стояли въ то время на той точкѣ, до которой дошли потомъ соціалъ-демократы со своей „муниципализаціей“. И въ основѣ лежало, въ сущности, то же опасливое отношеніе къ „государству“ (хотя бы въ смыслѣ только центральныхъ его органовъ), которымъ руководились соціалъ-демократы.

Послѣ того „политическія условія“ измѣнились, и авторы втородумскаго законопроекта, напримѣръ, несомнѣнно, разсчитывали на возможность „крутыхъ переломовъ“ въ политической исторіи Россіи. Вполнѣ естественно поэтому, что „общее“ понятіе соціализація должно было видоизмѣнить свое содержаніе. „Коммунализація“, казалось бы, должна была уступить мѣсто „націонализаціи“. Произошло, однако, видоизмѣненіе нѣсколько иного рода; но прежде, чѣмъ говорить о немъ, не лишне будетъ упомянуть, что въ промежуткѣ были и другія видоизмѣненія.

Съ однимъ изъ нихъ пришлось имѣть дѣло уже въ 1905 г. Статья, посвященная „общинѣ и государству“, на которую я ссылался въ предыдущемъ изложеніи, была помѣщена въ „Русскомъ Богатствѣ“, какъ отвѣтъ на открытое письмо Новоторжскаго ко мнѣ, въ которомъ онъ отстаивалъ ту мысль, что власть надъ землею должна быть передана общинѣ, а не государству (въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ отстаивалъ я, и въ узкомъ — въ смыслѣ центральной власти, — какъ понялъ онъ). Другими словами: онъ защищалъ коммунализацію и оспа-

---

ставляетъ какъ одинъ изъ пунктовъ своей программы-минимумъ націонализацію земли. Бельгійцы уравновѣшиваютъ въ своей программѣ оба момента—государственный и коммунальный, требуя съ одной стороны, возстановленія и развитія общинныхъ имуществъ, съ другой—прогрессивнаго выкупа земли государствомъ *или* общинами. Голландцы становятся на исключительно коммунальную, общинную точку зрѣнія, и отъ государства требуютъ лишь законодательнаго акта, расширяющаго права общины по обложенію, выкупу и экспропріаціи земли. Таковы два крайнихъ и одинъ средній типъ, по которымъ и распредѣляются наличныя аграрныя программы соціалистическихъ партій, при чемъ большинство тяготѣетъ къ среднему типу“.

Считаю не лишнимъ отмѣтить, что „государство“ здѣсь понимается, очевидно, въ смыслѣ центральной государственной власти, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ „государственный“ элементъ можно противополагать „коммунальному“. Во избѣжаніе недоразумѣнія считаю нужнымъ прибавить къ этому, что я употребляю терминъ „государство“ въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно какъ общественную организацію, построенную по территоріальному признаку и обладающую принудительною властью. Въ этомъ случаѣ коммуну или муниципію не только нельзя противополагать государству, но и необходимо разсматривать ихъ, какъ составную часть послѣдняго.

ривалъ націонализацію, противополагая эти два понятія. При этомъ подъ общиной, какъ выяснилось въ этой полемикѣ, онъ разумѣлъ „союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ“, „товарищество непосредственныхъ производителей“, а не все населеніе той или иной территоріи, объединенное въ союзъ государственнаго характера. Нужно сказать, что проектъ программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ (утвержденной программы тогда еще не было), а также и тѣ комментаріи, какія помѣщались въ „Революціонной Россіи“, до извѣстной степени давали ему право на такое пониманіе. Въ проектѣ говорилось слѣдующее:

„партія будетъ стоять за соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія“.

Такимъ образомъ, говорилось о соціализаціи только „частновладѣльческихъ“ земель, при чемъ вводились какіе-то „союзы общинъ“, хотя и территоріальные, но какъ бы стоящія внѣ остальной государственной организаціи. Въ комментаріяхъ дѣлались усиленныя ссылки на нынѣшнюю общину, но не указывалось на необходимость вернуть ей государственное значеніе, ввести ее, какъ часть, въ общую систему государственной организаціи. Нынѣшняя же община, если ее не разсматривать какъ сословный союзъ, легко можетъ быть принята за „союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ“, а при нѣкоторой идеализаціи и за „товарищество непосредственныхъ производителей“.

Мнѣ пришлось тогда рѣшительно высказаться противъ смѣшенія частно-правовыхъ союзовъ съ общественно-принудительными и за необходимость собирать общественныя права (въ томъ числѣ и право на землю) около „муниципіи“, а не около „кооперація“. Программа с.-р. при утвержденіи была исправлена и возможность указаннаго недоразумѣнія изъ нея устранена. И въ комментаріяхъ къ ней теперь усердно—множествомъ опредѣленій—подчеркивается, что въ основѣ должна лежать „мельчайшая самоуправляющаяся территоріальная единица, сосѣдская, безсословная (ибо сословныя грани должны быть стерты съ лица земли) община (въ смыслѣ французской commune, сельской муниципіи), включающая въ себя одно или нѣсколько сосѣднихъ поселеній“ *). Вообще это эпизодъ минувшаго. Но вспоминая его, не лишне, какъ я думаю, задаться вопросомъ, откуда взялась въ средѣ с.-р. склонность къ такому именно пониманію соціализаціи, какое обнаружилъ г. Новоторжскій.

Въ соображеніяхъ послѣдняго невольно бросаются въ глаза слѣды или—правильнѣе будетъ сказать—послѣдствія марксист-

*) „Народное Знамя“, № 1.

ской аргументаціи. Въ общинѣ, какъ въ „союзѣ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ“, г. Новоторжскій, несомнѣнно, желалъ найти оплотъ противъ государственной власти, какъ власти „господствующихъ классовъ“. Но этотъ оплотъ онъ надѣялся создать не тѣмъ, чтобы ввести общину, какъ составную часть въ государство и тѣмъ самымъ обезпечить наибольшую его демократичность. На демократію онъ не особенно полагался и, можетъ быть, потому именно, что ясно представлялъ себѣ ея организацію лишь въ верхахъ государственной жизни.

„У насъ нѣтъ—писалъ онъ—основанія думать, чтобы въ Россіи, въ особенности въ первое время по введеніи народнаго представительства, государственная власть была бы особенно демо..ратична... Опытъ всѣхъ западноевропейскихъ странъ показываетъ черезчуръ медленный, а не скорый ростъ голосовъ, подаваемыхъ за демократическія партіи. Тяжелое наслѣдство вѣковъ невѣжества, безправія и угнетенности народу не легко сбросить съ плечъ“... *).

Оплотъ, при помощи общины, онъ надѣялся получить инымъ путемъ. Союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ и союзы такихъ союзовъ ему рисовались, повидимому, въ видѣ широко раскинутой и всероссійски-объединенной профессіональной или классовой организаціи, которая и явится силой, способной отстоять трудовые интересы въ борьбѣ съ господствующими классами.

Съ другой стороны, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ указанномъ пониманіи соціализаціи сказалось и другое теченіе, а именно стремленіе, можетъ быть, даже безсознательное, найти рѣшеніе аграрнаго вопроса внѣ государственныхъ-правовыхъ формъ.

„Разъ мы усматриваемъ—писалъ г. Новоторжскій—въ концѣ пути сельско-хозяйственнаго развитія товарищества непосредственныхъ производителей, то зачѣмъ разрушать тѣ ячейки, которыя уже сложились и которымъ нужны только благопріятныя условія для такого развитія“.

„Товарищество непосредственныхъ производителей“ — въ этомъ слышится какъ бы отзвукъ того анархизма, для котораго будущій строй представляется въ видѣ ряда такихъ добровольныхъ товариществъ—тоже „общинъ“,—если и объединенныхъ въ союзъ, то не иначе какъ въ такой, который въ силу „благопріятныхъ условій для такого развитія“ выростаетъ самъ собой, снизу. Соціалистъ на счетъ конечнаго пункта выразился бы иначе и сказалъ бы вѣроятно, что мы видимъ тамъ не „товарищество непосредственныхъ производителей“, а общественное хозяйство.

Такимъ образомъ, это была уже другая попытка (одну мы видѣли въ „коммунализаціи“) создать оплотъ противъ государства. Отъ этого оплота, какъ я уже упомянулъ, пришлось отказаться, но попытки найти его продолжались и послѣ.

---

*) „Русское Богатство“ 1905 г., августъ.

Вернемся, однако, къ той статьѣ В. М. Чернова, согласіемъ съ которой по одному изъ основныхъ вопросовъ аграрной реформы я закончилъ предыдущую главу.

Итакъ, власть надъ землею должна отлиться въ форму публично-правового института, при чемъ, если слѣдовать Лешкову, то въ этомъ институтѣ должны слиться и право собственности, и dominium и imperium—всѣ виды власти надъ территоріей. Но...

Но такъ какъ Лешковъ—говоритъ въ своей статьѣ В.М.Черновъ—писалъ до того времени, когда и въ публично-правовой области были провозглашены *неотъемлемыя права личности*, субъективныя или индивидуальныя публичныя права, то для него коллективность (государство, община) являются неограниченными владыками, а члены общины отъ нея получаютъ свои права, какъ нѣчто производное, вторичное или созданное. Онъ далекъ отъ той точки зрѣнія, что необходимо огражденіе *отъ произвола самой коллективности нѣкоторыхъ основныхъ личныхъ правъ путемъ регулирующаго дѣйствія коллективности основного закона.*

Долженъ признаться, что первую часть этой цитаты я просто не понимаю. Подъ „неотъемлемыми правами личности“ въ данномъ мѣстѣ разумѣются такъ называемыя „естественныя права“,— права человѣка и гражданина. Насколько я знаю, таковыя были „провозглашены“ уже во время борьбы Соединенныхъ Штатовъ за независимость и затѣмъ съ еще большимъ шумомъ во время великой французской революціи. Теорія естественнаго права впервые сложилась на много вѣковъ раньше; въ это время она заняла видное мѣсто въ юридической наукѣ. Правда, потомъ въ теченіе долгаго періода эта теорія оспаривалась и возродилась уже въ наши дни—почти накануѣ первой русской революціи— съ новымъ обоснованіемъ. Можетъ быть, В. М. Черновъ имѣетъ въ виду это новое обоснованіе, можетъ быть, ему просто нужно было авторитету Лешкова противопоставить въ данномъ вопросѣ авторитетъ г. Изгоева или, правильнѣе, авторитетъ перваго дополнить авторитетомъ второго. (Дѣло въ томъ, что г. Изгоевъ „юридическимъ стержнемъ“ общины считаетъ „правомочіе отдѣльнаго лица“, но отрицаетъ его публичный характеръ; Лешковъ же признаетъ публичный характеръ, но не видитъ личнаго права). Но въ данномъ случаѣ это не важно, и мое недоразумѣніе, какъ я думаю, не сыграетъ роли въ дальнѣйшемъ. Допустимъ, что Лешковъ не слыхалъ про неотъемлемыя права личности или же не признавалъ ихъ.

Для насъ важно другое. Комментаторъ къ законопроекту с.-р. находитъ необходимымъ въ аграрной сферѣ „огражденіе“ нѣкоторыхъ основныхъ правъ личности отъ „произвола самой коллективности“. Это я и имѣлъ въ виду, сказавъ выше, что поиски оплота противъ государства продолжаются. Если бы все дѣло сводилось къ „основному закону“, то сказать противъ этого у меня не нашлось бы ни одного слова. Я тоже стою на

той точкѣ зрѣнія, что аграрный вопросъ долженъ быть рѣшенъ учредительнымъ собраніемъ, и это рѣшеніе въ основныхъ своихъ чертахъ должно, конечно, войти въ учредительную хартію. Но въ этомъ „основномъ законѣ, не подлежащемъ отмѣнѣ или измѣненію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ“, я вижу гарантію противъ случайностей государственной жизни, но не противъ самого государства.

Надо кромѣ того сказать, что въ основныхъ законахъ или въ конституціяхъ оговариваются отнюдь не только „неотъемлемыя права личности“; въ нихъ заносятся права коллективности и всякія иныя. Я не стану, конечно, ссылаться на русскіе основные законы,—тоже „не подлежащіе отмѣнѣ или измѣненію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ“,—которые, какъ извѣстно, если до сихъ поръ ограждали что, то больше всего права самодержавнаго правительства. Воспользуюсь указаніями одного изъ тѣхъ, кто право на землю относитъ къ числу личныхъ правъ и ставитъ это въ связь со внесеніемъ ихъ въ основные законы. П. А. Вихляевъ ссылается на конституціонныя хартіи отдѣльныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. По его словамъ, эти хартіи:

„стремятся, напримѣръ, урегулировать управленіе такимъ имуществомъ штата, какъ каналы и дороги, стремятся дать подробныя указанія по администраціи долга штата; опредѣляютъ размѣры и виды частной собственности, не подлежащей аресту за частные долги; дѣлаютъ постановленія относительно потребленія, напр., запрещаютъ продажу спиртныхъ напитковъ и т. д.“ *).

Едва ли все это относится къ „неотъемлемымъ правамъ личности“. Вообще вопросъ о томъ, въ какіе законы—въ основные или обыкновенные—будутъ внесены нормы земельнаго права, какъ я думаю, не имѣетъ принципіальнаго значенія, такъ какъ онъ не предрѣшаетъ собою содержанія самаго права. И этотъ вопросъ мы можемъ поэтому оставить въ сторонѣ.

Несравненно важнѣе для насъ то, что право на землю комментаторы законопроекта относятъ къ числу „неотъемлемыхъ правъ личности“. Такой именно смыслъ и имѣетъ третій параграфъ законопроекта, который, какъ мы уже видѣли, читается такъ:

„На пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право“.

Такимъ образомъ ясный, какъ казалось намъ, и почерпнутый изъ литературы с.-р. отвѣтъ, что власть надъ изъятой изъ частной собственности землею должна перейти къ народу, въ дѣйствительности имѣетъ другую, прямо противоположную редакцію: право на землю принадлежитъ не коллективности, а личности,—не народу, а гражданину.

*) „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“ стр. 46.

Эта двойственность даваемаго на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣта и сдѣлала неизбѣжной отмѣну всякой собственности. Кому, въ самомъ дѣлѣ, будетъ принадлежать земля: народу, какъ коллективности, или гражданамъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ? Лучше ужъ объявить ее ничьею... Выручило, какъ мы видѣли, слово „достояніе“, не имѣющее никакого юридическаго содержанія.

IV.

Въ предыдущихъ главахъ я отмѣтилъ, что соціалисты-революціонеры въ своемъ законопроектѣ задались цѣлью отмѣнить не частную только, какъ это предполагалось раньше, а *всякую* собственность на землю, не исключая государственной. Ссылаясь на самый законопроектъ, на партійные къ нему комментаріи и партійную литературу, я высказалъ предположеніе, что до такой отмѣны авторы законопроекта договорились по недоразумѣнію. Въ дѣйствительности же, отмѣнивъ „власть надъ вещью“, они сами немедленно ее возстановили только подъ другимъ названіемъ. Отмѣна—писалъ я.—свелась въ сущности къ замѣнѣ менѣе звучнаго слова болѣе звучнымъ, юридическаго термина—литературнымъ выраженіемъ, „собственности“ — „достояніемъ“. Спорить о словахъ у меня не было никакой охоты. И я изъявилъ даже готовность избѣгать въ дальнѣйшемъ изложеніи термина „собственность“, разъ с.-р. считаютъ его недопустимымъ въ своихъ аграрныхъ построеніяхъ.

Но этотъ, неважный съ моей точки зрѣнія, вопросъ оказался очень важнымъ *). По крайней мѣрѣ, г. Марковъ, отвѣчая мнѣ, удѣлилъ ему главное вниманіе. По его словамъ, никакого тутъ недоразумѣнія нѣтъ: с.-р. въ серьезъ желаютъ отмѣнить „всякую“ собственность на землю. Мой оппонентъ настолько любезенъ, что взялся даже растолковать намъ, что это значитъ.

Въ качествѣ „характернаго, опредѣлительнаго признака, который отличаетъ собственность отъ всякихъ другихъ смежныхъ и отдаленныхъ понятій“, онъ указываетъ „право распоряженія“ (jus disponendi).

Собственникъ, пишетъ г. Марковъ,—можетъ отказаться отъ *пользованія* своею вещью, сдать ее внаймы—и остаться въ то же время собственникомъ. Собственникъ можетъ утратить *владѣніе* своею вещью, ее могутъ украсть, онъ все же сохраняетъ право собственности... Но онъ не можетъ передать другому право распоряженія вещью, не лишивъ себя въ то же время права собственности...

---

*) См. Вениаминъ Марковъ. „Кто же субъектъ какого права? (Отвѣтъ А. В. Пѣтехонову)“. Рус. Бог. 1908 г. № 3, стр. 67—85.

„Собственника отъ субъекта всякаго иного вещнаго права личаетъ его право распоряженія“ *)... Такимъ образомъ отмѣить право собственности очень просто: надо только отмѣнить раво распоряженія. Отмѣнить же всякую собственность на землю, то значитъ устроить такъ, чтобы никто землей не распоряжался. того именно и желаютъ соціалисты-революціонеры.

Такъ и запишемъ... Я не знаю, за кого „отвѣчаетъ“ г. Марковъ: за партію или думскую фракцію, за авторовъ законопроекта или его комментаторовъ. Вѣроятнѣе всего самъ за ебя, движимый чувствомъ партійной солидарности. Во всякомъ лучаѣ мы не должны забывать, что с.-р. писали и раньше, то, кромѣ г. Маркова, у нихъ имѣются и другіе теоретики. апомню хотя бы г. Вихляева. Послѣдній указалъ намъ въ свое ремя иной „опредѣлительный признакъ“ собственности. Онъ олагаетъ, что отъ послѣдней можетъ быть отдѣлено „все управленіе и распоряженіе ею, такъ что собственнику остается въ омъ случаѣ работать на другихъ и не думать вовсе о такъ азываемомъ „неограниченномъ“ и „свободномъ“ правѣ распоряженія ни въ одномъ атомѣ своей вещи **). Но право собственности все таки сохранится. Въ концѣ концовъ это право можетъ ыть сведено къ чисто формальному признаку,—къ „праву распоряженія вещью въ послѣдней инстанціи“, и это нѣчто иное, ѣмъ право распоряженія“, какъ его понимаетъ г. Марковъ.

Если земля съ ея водами et cet.,—пишетъ послѣдній,—перестаетъ быть редметомъ купли и продажи, мѣны, завѣщанія и т. д.,—въ чемъ можетъ ыразиться jus disponenid, особенно jus disponendi de substantia и jus alienandi?.. е вправѣ ли мы тогда сказать, что собственность на землю, какъ собственность, исчезаетъ, ея не станетъ, она будетъ *отмѣнена?*

---

*) Я не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса, насколько „опредѣлительный ризнакъ“ собственности указанъ моимъ оппонентомъ удачно. Вообще у еня нѣтъ желанія забираться въ дебри юридической схоластики, по которымъ онъ такъ самодовольно разгуливаетъ. Думаю, что въ данномъ случаѣ то совершенно безплодное занятіе, и г. Марковъ можетъ служить наглядымъ для насъ примѣромъ. „Если право распоряженія будетъ отдѣлено отъ права собственности,—восклицаетъ онъ,—послѣднее исчезнетъ!“ И тутъ же указываетъ случаи—запрещеніе, секвестръ, опеку,—когда правораспоряженія отдѣляется, но право собственности остается. Но такъ какъ такое отдѣленіе проходитъ „по закону“, то останавливаться на такихъ случаяхъ, по мнѣнію Маркова, не приходится: „такая возможность должна предполагаться сама собой“, ибо „законамъ,—поясняетъ онъ— законы, такъ сказать, не писаны“. у, а самъ г. Марковъ расчитываетъ отмѣнить право распоряженія по закону ли какъ-нибудь иначе? Если по закону то гдѣ же доказательство, что съ тмѣной права распоряженія исчезнетъ и право собственности? Не напрасны ы оказались всѣ его поиски? Или возьмите хотя бы это: „законамъ законы е писаны“,—и все-таки г. Марковъ считаетъ возможнымъ написать такой основной законъ“, котораго всѣ остальные законы сами собой будутъ слуаться... Въ этихъ словесныхъ дебряхъ можно блуждать безъ конца—и е-таки на дорогу не выбраться.

**) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“. М. 906 г., стр. 48.

Г. Вихляевъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ, въ 1906 году ду малъ,—что сказать это мы не вправѣ. Онъ приводитъ тако примѣръ: право пользованія землей можетъ быть предоста влено отдѣльнымъ гражданамъ, право передѣлять между ним землю можетъ быть признано за общиной; могутъ быть выдѣ лены и другія права, которыя входятъ въ понятіе собствен ности;—однако, и за всѣмъ тѣмъ „право распоряженія землей въ послѣдней инстанціи“ за кѣмъ-нибудь все-таки останется. Останется, стало быть, и право собственности. Выходитъ, та кимъ образомъ, что отмѣнить послѣднее по рецепту, предло женному г. Марковымъ, нельзя.

Я взялъ г. Вихляева, потому что онъ вѣдь изобрѣлъ т „право на землю“, для осуществленія котораго с.-р. признали потомъ нужнымъ отмѣнить „всякую“ на нее собственность. Н я понимаю, конечно, что это такъ только говорится, будто бы „яйца курицу не учатъ“. Въ дѣйствительности ученики нерѣдк идутъ много дальше своего учителя... И г. Марковъ имѣетъ конечно, право свой авторитетъ противопоставить авторитету г. Вихляева *). Допустимъ, поэтому, что способъ отмѣнить соб ственность имъ найденъ и что для этого достаточно отмѣнить право распоряженія. Однако, и за всѣмъ тѣмъ остается во просъ: этого ли желаютъ с.-р.?

Я беру первую брошюру, вышедшую въ Россіи подъ за головкомъ „Соціализація земли“. Она помѣчена 1906 годомъ

---

*) Читателямъ, надѣюсь, понятны тѣ соображенія, въ силу которых въ своемъ „формальномъ“ отвѣтѣ г. Маркову я ссылаюсь исключительно на литературу с.-р., минуя труды ученыхъ-спеціалистовъ. Мнѣ кажется, что послѣднихъ не стоитъ тревожить. А то не трудно, конечно, было бы, напримѣръ, Мейеру,—несомнѣнно, „извѣстному правовѣду“,—на котораго въ важнѣйшемъ пунктѣ своей аргументаціи опирается г. Марковъ, и который, къ слову сказать, читалъ свой курсъ гражданскаго права болѣе 50 лѣтъ тому назадъ (умеръ въ 1856 г.), противопоставить цѣлый рядъ новѣйшихъ ученыхъ,—хотя бы Штамлера, Менгера, Гамбарова, по стопамъ которыхъ идетъ въ своей аргументаціи г. Вихляевъ. „Собственность,—говоритъ Менгеръ,—есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ вполнѣ изъ соціальной жизни человѣчества“. Штамлеръ находитъ, что собственность есть понятіе, свойственное всякому мыслимому правовому состоянію общества. „Разъ вопросъ рѣшается утвердительно для права вообще, то не можетъ быть,—говоритъ г. Гамбаровъ,—иного рѣшенія и для собственности, такъ какъ всякій правовой порядокъ предполагаетъ уже признаніе того рѣшающаго въ послѣднемъ счетѣ распоряженія вещью, которое мы называемъ собственностью. Эту собственность предполагаетъ также и соціалистическій идеалъ общества, требующій лишь ея преобразованія и перемѣщенія, въ интересѣ всего общества, отъ индивидуальнаго обладанія къ коллективному, но вовсе не отмѣны самаго права собственности. И только индивидуалистическій анархизмъ можетъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отрицать въ этомъ смыслѣ собственность, такъ какъ онъ отрицаетъ самое понятіе права“... („Вещное право“. Лекціи Ю. С. Гамбарова. Литограф. изданіе Кассы взаимопомощи Спб. Политехнич. Института. Стр. 126).

шла подъ иниціалами „Р. Р“: если не ошибаюсь, въ ней содержатся статьи, печатавшіяся раньше въ „Революціонной Россіи“. На стр. 17-й этой брошюры курсивомъ напечатано:

Соціализація земли есть лишь передача въ общественныя руки, общественное распоряженіе одного изъ необходимыхъ условій производства, и тѣмъ самымъ, отмѣна одной изъ самыхъ вредныхъ и тягостныхъ частныхъ монополій.

Какъ видятъ читатели, соціализація понималась тогда не томъ смыслѣ, что земля должна быть „ничья“, что у нея должно быть „хозяина“, что никто не долженъ распоряжаться ею. Напротивъ, весь смыслъ соціализаціи полагался томъ, что земля перейдетъ „въ общественныя руки, въ общественное *распоряженіе*“. И если теперь с.-р., дѣйствительно, желаютъ отмѣнить право распоряженія, какъ утверждаетъ Марковъ, то не отмѣнятъ ли они тѣмъ самымъ и то, ради чего созывали въ свои ряды общественныя силы?

Г. Марковъ знаетъ, что такое пониманіе соціализаціи было, но онъ только думаетъ, что оно быльемъ поросло. Дѣйствительно,—говоритъ онъ—въ проектѣ программы стояло слово „распоряженіе“, но въ „утвержденной программѣ“ его уже нѣтъ. „Отмѣняя собственность на землю—поясняетъ г. Марковъ—нельзя было сохранить распоряженіе ею, и, удерживая понятіе распоряженія, нельзя было отдѣлить отъ него, хотя бы и мысленно, понятія собственности“. Поэтому-де „распоряженіе“ и изчезло...

Г. Марковъ, повидимому, столь увѣренъ въ своихъ логическихъ построеніяхъ, что не потрудился даже справиться въ протоколахъ съѣзда, который утверждалъ программу, въ силу какихъ соображеній слово „распоряженіе“ замѣнено словомъ „завѣдываніе“. Приходится напомнить.

Соотвѣтствующее предложеніе внесъ тов. Поморцевъ. Приведу главныя соображенія, которыми онъ его мотивировалъ.

...Словъ—говорилъ онъ—бояться нечего, и поэтому слѣдуетъ опредѣленно высказаться за терминъ „общенародная собственность“, а не „общенародное достояніе“... Соціализація земли предполагаетъ націонализацію; націонализація есть логическій prius соціализаціи... Фактически соціализація можетъ быть условіемъ націонализаціи, хронологически она можетъ и предшествовать признанію земли общенародною собственностью, но логически она всегда предполагаетъ идею націонализаціи... Въ проектѣ программы говорится: „соціализированная земля поступаетъ въ распоряженіе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ самоуправленія“ и т. д. Распоряженіе есть одно изъ проявленій права собственности и только его одного... Поэтому для меня не понятно, какъ возможно передать землю въ распоряженіе одновременно двумъ собственникамъ: и центральнымъ, и мѣстнымъ органамъ самоуправленія, какъ это предлагаетъ проектъ программы. На этомъ основаніи я предлагаю слова „поступаетъ въ распоряженіе“... замѣнить словами „поступаетъ въ завѣдываніе“, т. е. въ управленіе, которое, конечно, можетъ распредѣляться между двумя и даже большими органами народнаго самоуправленія *).

*) „Протоколы перваго съѣзда партіи соціалистовъ-революціонеровъ“. стр. 195 и 196.

Трудно, конечно, сказать, чѣмъ руководилось большинств съѣзда, принимая эту поправку. Во всякомъ случаѣ предложени было внесено лицомъ, вовсе не желавшимъ, повидимому, отмѣ нять собственность.

Но допустимъ, что отсутствіе „распоряженія“ въ утвер жденной программѣ доказываетъ, что соціалисты-революціонер считаютъ возможнымъ обойтись безъ распоряженія и въ жизни Почему же, однако, въ аграрномъ законопроектѣ, который со ставлялся послѣ утвержденія программы и въ которомъ с.-р впервые задались цѣлью отмѣнить „всякую“ собственность, эт слово опять появилось? Это описка, неудачная формулировка— утверждаетъ г. Марковъ.

Какъ слѣдуетъ изъ общаго „духа“ законопроекта и всего его кон текста, авторы его желали сдѣлать именно то, въ чемъ имъ отказывает г. Пѣшехоновъ. Собственность на землю они хотѣли сдѣлать именно „ничьей“ т. е. сдѣлать такъ, чтобы земля, дѣйствительно, не принадлежала на прав собственности *никому*, ни частнымъ лицамъ, ни всѣмъ въ цѣломъ; они хо тѣли оставить землю именно „безъ хозяина“ въ смыслѣ собственника—распо рядителя.

Стоитъ только,—какъ думаетъ г. Марковъ—въ 4-мъ пара графѣ законопроекта „распоряженіе“ замѣнить „завѣдываніемъ“ да еще, пожалуй, „отглагольное существительное“ „глагольной формой“, и всѣ недоразумѣнія сразу изчезнутъ: совершенно ясно будетъ, чего именно желаютъ с.-р... Но мы уже знаемъ какъ г. Марковъ передаетъ „духъ“ документовъ;—обратимся лучше сами къ „контексту“ законопроекта.

Государство и всѣ органы мѣстнаго самоуправленія—читаемъ мы в 7-мъ его параграфѣ—имѣютъ право особыми постановленіями соотвѣтствен ныхъ представительныхъ собраній обращать необходимыя площади земл подъ общественное пользованіе въ цѣляхъ и т. д.

Цѣли при этомъ указаны самыя разнообразныя, вплоть до „установленія болѣе цѣлесообразныхъ формъ хозяйства“... Легко понять, что однимъ этимъ параграфомъ авторы законопроекта предоставляютъ государству, включая и мѣстные его органы, такое широкое право, которое покроетъ, пожалуй, всѣ jus'ы какими испещрилъ свою статью г. Марковъ, включая въ то число jus alienandi и jus disponendi de substantia, которые онъ считаетъ наиболѣе характерными признаками права собствен ности. Въ самомъ дѣлѣ: государство имѣетъ право обратить землю подъ общественное пользованіе. Но вѣдь это значитъ что оно имѣетъ право изъять ее изъ частнаго пользованія. Не заключается ли въ этомъ jus alienandi, право отчужденія,— даже въ той не совсѣмъ точной транскрипціи, какую далъ ему г. Марковъ,—„право отчуждать объектъ другому лицу, как право выбора особаго способа пользованія объектомъ“. Далѣе представьте себѣ, что государство, изъявъ,—скажемъ, въ ор

сительныхъ цѣляхъ—кусокъ пашни изъ частнаго пользованія, выроетъ на этомъ мѣстѣ прудъ, или, наоборотъ, изъявъ прудъ изъ частнаго пользованія—въ санитарныхъ, скажемъ, цѣляхъ—выпуститъ изъ него воду. Не проявится ли въ этомъ и притомъ въ самой рѣшительной формѣ jus disponendi de substantia, право уничтоженія объекта, поскольку таковое осуществимо по отношенію къ землѣ съ водами et cet.? И въ цѣломъ не возстановляетъ ли 7-й параграфъ право распоряженія, отъ котораго г. Марковъ такъ легко избавился, исправивъ описку въ 4-мъ параграфѣ?

Я взялъ одинъ пунктъ законопроекта, но имѣются вѣдь и другіе... Укажу, напримѣръ, хотя бы пунктъ *в* параграфа 9-го, который между прочимъ предоставляетъ право общинѣ въ цѣляхъ уравнительности „измѣнять земельныя границы“, т. е. попросту говоря, отбирать землю у однихъ и передавать другимъ. Что же это такое, какъ не jus alienandi? Укажу, далѣе, пунктъ *з* того же параграфа: „частно-трудовые пользователи при оставленіи занятія земледѣліемъ—говорится въ немъ—сдаютъ пользуемые участки въ распоряженіе общины“. Конечно, можно и здѣсь описку исправить: распоряженіе замѣнить завѣдываніемъ. Но, вѣдь, право-то—jus recadentiae—у государственнаго органа останется. Правда, по латыни этого права г. Марковъ не называетъ, но онъ упоминаетъ о немъ подъ другимъ именемъ, какъ о существенномъ признакѣ собственности. „Какъ только ограниченіе отпадаетъ или уничтожается,—говоритъ онъ—власть собственника тотчасъ же возстановляется въ прежнемъ размѣрѣ, сама собой, ipso jure, безъ особаго юридическаго акта она консолидируется въ рукахъ собственника“. Въ этомъ, по мнѣнію г. Маркова, практически сказывается „неограниченность“ права собственности. Эту именно „консолидацію“ права, совершающееся само собой возвращеніе къ собственнику вещныхъ правъ старые юристы и называли jus recadentiae, „и нѣкоторые изъ нихъ—говоритъ г. Гамбаровъ—уже давно видѣли въ этомъ правѣ отличительный признакъ собственности“ *). Согласно приведенному пункту законопроекта права на землю, въ случаѣ утраты ихъ пользователями, сами собой должны возвратиться къ государству въ лицѣ общины. Не значитъ ли это, что государство будетъ имѣть „неограниченную“, какъ ее понимаетъ г. Марковъ, власть надъ землей? Не значитъ ли это, что оно явится собственникомъ?

Я не буду приводить другихъ параграфовъ и пунктовъ законопроекта, которыми предоставляются различныя права государству. Напомню, что еще остается „право распоряженія въ послѣдней инстанціи“, въ каковомъ видятъ отличительный

*) „Вещное Право“, стр. 100.

признакъ собственности новѣйшіе юристы и безъ котораго, повидимому, нельзя обойтись, если не отказываться вообще отъ правового порядка. Въ данномъ же случаѣ я считаю не лишнимъ напомнить и о правѣ распоряженія, если можно такъ выразиться, въ первой инстанціи. Въ самомъ дѣлѣ: кто нибудь долженъ, вѣдь, санкціонировать законопроектъ, который выработали с.-р... Кто же сдѣлаетъ это первое распоряженіе? Не государство ли въ лицѣ того или иного представительнаго собранія? Отмѣнить право распоряженія, повидимому, не такъ просто, какъ думаетъ г. Марковъ.

Во всякомъ случаѣ я долженъ признаться, что и послѣ данныхъ имъ разъясненій, мнѣ не совсѣмъ ясно, чего именно желаютъ достигнуть с.-р., отмѣняя „всякую“ собственность на землю. Раньше мы видѣли, что они желаютъ менѣе звучное слово замѣнить болѣе звучнымъ, „собственность“—„достояніемъ“. Теперь мы узнали, что звучнаго „распорядителя“ они желаютъ замѣнить „неблагозвучнымъ“, какъ выражается г. Марковъ, „завѣдующимъ“ или даже „глагольной формой“. Если и только, то...

Спорить о словахъ, какъ я уже сказалъ, у меня нѣтъ охоты.

V.

Какъ бы то ни было, власть надъ землею, какими бы словами мы ее ни обозначали, всегда останется. Не будучи анархистами, мы должны отлить эту власть въ форму права. Вопросъ заключается въ томъ, кому эта власть въ формѣ права должна принадлежать: личности или коллективности, гражданину или государству?

Соціалисты-революціонеры, какъ я указалъ, даютъ на этотъ вопросъ различные и притомъ прямо противоположные отвѣты. Въ болѣе ранней партійной литературѣ власть надъ землей признавалась только за коллективностью, за отдѣльными же лицами, поскольку они не получили ее отъ коллективности, безусловно отрицалась. Въ литературѣ болѣе поздняго времени съ неменьшею, пожалуй категоричностью „право на землю“ постулируется, какъ „неотъемлемое“, „естественное“ право личности, посягать на которое коллективность не смѣетъ. Наряду съ этимъ все время наблюдалось и наблюдается тенденція объявить землю какъ бы находящеюся внѣ правовой власти, „ничьею“, вещью безъ хозяина. Нельзя однако сказать, что прежнія воззрѣнія окончательно уступили мѣсто новымъ: рецидивъ слѣдуетъ за рецидивомъ, и иногда на пространствѣ двухъ-трехъ страницъ можно прослѣдить цѣлый рядъ колебаній отъ одного полюса до другого. Точно такъ же государственный

и анархическій элементы въ аграрныхъ построеніяхъ с.-р. нерѣдко присутствуютъ рядомъ, не получая ни тотъ ни другой рѣшительнаго преобладанія.

Тотъ же двойственный отвѣтъ, съ тѣмъ же привкусомъ анархизма, данъ и въ законопроектѣ, внесенномъ во вторую Думу. Въ 3-мъ параграфѣ законопроекта право на землю провозглашено, какъ личное право гражданина, а въ 4-мъ параграфѣ указанъ „верховный распорядитель“ въ лицѣ народнаго собранія, при чемъ этимъ двумъ положеніямъ предпослана въ 1-мъ параграфѣ отмѣна „всякой“ собственности. Желая „дать трудовому народу, стремящемуся перестроить земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ“, авторы законопроекта въ дѣйствительности дали отвѣтъ до-нельзя запутанный: выставивъ общія положенія, они сами же ихъ потомъ разрушили..

Кому должна принадлежать власть надъ вещью? Казалось бы, для соціалиста въ этомъ случаѣ не можетъ быть никакихъ колебаній. Это вопросъ, на который не только можно дать самый „точный и ясный отвѣтъ“, но и нужно давать... Давая его вы вскрываете суть соціализма, подчеркиваете одно изъ главныхъ отличій его отъ буржуазнаго строя. И все-таки с.-р. колеблются. Въ предшествующихъ главахъ я указалъ, чѣмъ это обусловлено. Не возвращаясь теперь къ этому вопросу, считаю нелишнимъ всетаки отмѣтить тѣ позиціи, до которыхъ с.-р., конечно, не доходятъ, но съ которыми всетаки сближаются въ своихъ колебаніяхъ.

Возьмемъ сначало „право на землю“, какъ „естественное“, „неотъемлемое“ право личности. Въ такой постановкѣ аграрной проблемы с.-р. склонны видѣть главное отличіе „соціализаціи“ земли отъ тѣхъ аграрныхъ построеній, которыя являются или представляются имъ „буржуазными“. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что власть надъ вещью, какъ „личное“ право и притомъ „неотъемлемое“, „естественное“ право, является боевымъ лозунгомъ именно буржуазіи. Существуетъ, какъ извѣстно, даже естественно-правовая теорія частной собственности, неоднократно уже возрождавшаяся въ исторіи науки. Подъ ея вліяніемъ находились римскіе юристы, которые разсматривали частную собственность, какъ jus gentium, какъ право, которое охраняется у всѣхъ народовъ (quod apud omnes gentes custoditur) и основаніемъ котораго служитъ естественный разумъ (ratio naturalis). Съ особымъ блескомъ естественно-правовая теорія частной собственности возродилась въ XVIII столѣтіи, причемъ она нашла себѣ признаніе въ „декларацiи правъ человѣка и гражданина“, въ которой собственность, какъ извѣстно, была отнесена къ числу „естественныхъ и неотъемлемыхъ“ правъ личности, наряду со свободой слова или собраній. Жива эта теорія и въ наши

дни. Даже среди ученыхъ у нея имѣется болѣе, чѣмъ достаточно сторонниковъ. Теперь

это воззрѣніе,—говоритъ г. Гамбаровъ,—сводитъ весь вопросъ на человѣческую личность или ея свободу и считаетъ всѣ эти понятія, т. е. понятія собственности, личности и свободы, покрывающими другъ друга или соотносительными. Одни изъ писателей, придерживающихся этого направленія (наприм., Фихта, Шталь, Аренсъ, Франкъ, Беданъ и др.) утверждаютъ, что частная собственность есть необходимое послѣдствіе человѣческой личности, что она тождественна со свободой, или что личность требуетъ для своихъ хозяйственныхъ проявленій того именно господства надъ вещами, которое дается частной собственностью... Другіе писатели настаиваютъ на необходимости частной собственности для совершенствованія человѣка, какъ нравственнаго существа. Покойный Принцъ, одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ юристовъ нашего времени, думалъ, что „собственность есть качество лица“. Французскій юристъ Helle старался убѣдить своихъ читателей въ томъ, что если бы не было частной собственности, то не было бы права, не было бы ничего, а французскій экономистъ Michel Chevalier восклицалъ: „безъ собственности не существовало бы свободы“. Въ свою очередь нѣмецкій экономистъ Вирть утверждалъ, что „вещь есть нѣкоторымъ образомъ часть нашей личности, продолженное „я“ и т. п.“ *).

Особенно много сторонниковъ естественно-правовой теоріи собственности, какъ думаетъ г. Гамбуровъ, имѣется среди „некомпетентноіі въ научныхъ вопросахъ публики“... Напомню, что согласно этой теоріи власть надъ вещью является не только „личнымъ“ правомъ, но и правомъ „неотъемлемымъ“, неприкосновеннымъ даже для государственной власти. Нужно было такъ далеко зайти въ чащу схоластики, нужно было такъ увлечься словеснымъ анализомъ понятіи, какъ это сдѣлалъ г. Марковъ, чтобы за деревьями не увидѣть лѣса, чтобы говорить о „власти надъ вещью, независимой отъ законодателя“, какъ о чемъ-то такомъ, что выдумалъ спеціально для полемики г. Пѣшехоновъ. Вѣдь это значитъ совсѣмъ позабыть о знамени, которое развѣвается надъ вражескимъ лагеремъ, о знамени, на которомъ написано: „собственность неприкосновенна“. В. М. Черновъ, который знаетъ не хуже г. Маркова, что „на практикѣ нѣтъ и никогда не было собственности, не связанной соціально“, тѣмъ не менѣе опредѣляетъ ее, „какъ абсолютное, неограниченное, индивидуальное и вѣчное право, по своей полнотѣ и исключительности, сравнивающееся лишь съ властью человѣка надъ самимъ собою и въ этомъ смыслѣ представляющее собою какъ бы гордое выступленіе человѣческой личности за границы своей собственной индивидуальной природы“...

Такъ буржуазный паразитизмъ—прибавляетъ онъ,—облекается въ тогу истинно-человѣческаго величія... „Человѣкъ!“ „Свободная собственность!“—„это звучитъ гордо“... **).

---

*) „Вещное Право“. Стр. 130—131.
**) „Народный Вѣстникъ“, 1906 г. № 1.

Лозунгъ „право на землю принадлежитъ личности“ то же звучитъ гордо и вмѣстѣ съ тѣмъ... я затрудняюсь найти подходящее слово. Суть же въ томъ, что въ этомъ лозунгѣ черезъчуръ много общаго съ „боевымъ кличемъ буржуазіи“, и я даже побаиваюсь, какъ бы „некомпетентная въ научныхъ вопросахъ публика“ въ своей житейской практикѣ ихъ не перепутала. Тоже „личное“ право, тоже „естественное“, тоже „неотъемлемое“. И даже такое же „абсолютное“, такое же „вѣчное“... Писатели с.-р., повидимому, сами сознаютъ эту опасность: поэтому, быть можетъ, онѣ и настаиваютъ, чтобы право, которое они конструируютъ, не называлось „собственностью“. Но, вѣдь, это же только титулъ, названіе... Правда, и содержаніе права различное: одни желаютъ утвердить за личностью право „пользованія“, другіе— право „распоряженія“. Не забудемъ, однако, что содержаніе права собственности „не только мѣняется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній“, но и „при одномъ и томъ же экономическомъ строѣ можетъ быть различно“. Напрасно ученые пытались опредѣлить это право, исходя изъ фактическаго его содержанія,—въ концѣ концовъ имъ приходится удовлетвориться чисто „формальнымъ признакомъ“. Оказывается, что можно отдѣлить и пользованіе, и владѣніе, и распоряженіе,—можно вынуть все содержаніе,—но право собственности все-таки останется. Голое право, jus nudum... Напрасно, однако, г. Марковъ считаетъ его не стоющимъ вниманія. Сохранившись даже въ этомъ только видѣ, право личной собственности явится регуляторомъ экономическихъ отношеній...*).

Такимъ образомъ разница въ содержаніи права, когда формальные признаки остаются тѣ же самые, еще не даетъ увѣренности, что аграрный строй получитъ новое основаніе. По меньшей мѣрѣ, мы не знаемъ, какіе фрукты могутъ произрасти на почвѣ утвержденнаго въ народномъ правосознаніи за личностью абсолютнаго права „пользованія“. Можетъ быть, эти фрукты будутъ немного лишь лучше тѣхъ, которые произрастаютъ теперь на почвѣ личнаго „распоряженія“.

---

*) Чтобы пояснить значеніе права собственности, лишеннаго „души“, какъ выражается г. Марковъ, за отдѣленіемъ отъ него jus disponendi, приведу такіе примѣры. Владѣльцы майоратовъ, можно сказать, лишены права „распоряженія“ своими имѣніями,—во всякомъ случаѣ существенно ограничены въ немъ. Но, вѣдь, если бы даже вся земля была обращена въ майораты, то это не означало бы еще, что въ основу аграрнаго строя положены начала, принципіально отличныя отъ началъ частной собственности. Крестьяне до сихъ поръ были лишены права „распоряженія“ надѣльной землей; они лишь „пользовались“ и „владѣли“ ею. Но, я думаю, и г. Марковъ не станетъ отрицать значенія въ экономической жизни того факта, за кѣмъ крестьяне подразумѣвали это право: за коллективностью или личностью. Достаточно указать въ этомъ случаѣ разницу между передѣльными и жертвыми общинами.

Уклоненіе въ другую сторону—въ сторону „ничьей“ земли—сближаетъ с.-р. съ неменѣе неудобными позиціями. Въ самомъ дѣлѣ: что такое значитъ, что землей никто не можетъ распоряжаться, что у нея не должно быть хозяина. Власть человѣка надъ міромъ становится вѣдь все больше и больше. Этотъ фактъ мы учитываемъ въ своихъ программахъ, видимъ въ немъ надежный залогъ торжества нашихъ идеаловъ. Въ частности программа, с.-р. „ростъ власти человѣка надъ естественными силами природы“ разсматриваетъ, какъ „необходимое условіе“ сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ жизни. Рѣчь, стало быть, можетъ итти объ уничтоженіи не фактической, а правовой власти надъ землею.

Жизнь безъ такой власти мы можемъ, пожалуй, себѣ представить. Мы можемъ наблюдать ее, если не въ своей средѣ, то у другихъ живыхъ существъ.

Голуби по двору ходятъ, воркуютъ
Сизой артелью своей...
. . . . . .
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно,
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по-братски зерно...

Въ такомъ, пожалуй, видѣ мы можемъ представить себѣ жизнь безъ правовой власти, хотя надо сказать, что и въ голубиной средѣ зачатки ея, вѣроятно, имѣются. Важнѣе, однако, другое. И въ голубиной жизни не все, вѣдь, мирно обходится: нѣтъ нѣтъ, да и клюнетъ одинъ голубь другого. Въ средѣ же людей борьба съ природой въ теченіе всей исторіи сопровождалась борьбою—въ большинствѣ случаевъ изъ-за частичекъ той же природы—другъ съ другомъ, борьбою, нерѣдко до-нельзя ожесточенной. Homo homini lupus est—резюмировали этотъ рядъ явленій римляне. Правовая власть явилась и до сихъ поръ остается важнѣйшимъ средствомъ, умѣряющимъ эту борьбу, сдерживающимъ ее въ опредѣленныхъ формахъ, а въ дальнѣйшемъ, какъ мы надѣемся, та же власть явится и главнымъ орудіемъ слабыхъ въ борьбѣ ихъ съ сильными...

И вотъ намъ предлагаютъ уже теперь сдѣлать землю ничьею, оставить ее внѣ правовой власти. Что это значитъ? Думаютъ ли лица, которыя это предлагаютъ, что людямъ лучше вернуться назадъ и вновь начать жизнь по звѣриному? или они надѣются, что мы уже настолько ушли впередъ, что можемъ начать ее по-голубиному?

Я указалъ крайнія точки, до которыхъ теоретики с.-р. доходятъ въ своихъ колебаніяхъ. Даже не доходятъ: какъ уже сказано, я желалъ отмѣтить позиціи, съ которыми они лишь сближаются въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ. Само

обою понятно, однако, что эти колебанія не проходятъ езслѣдно.

Они сказываются прежде всего на программныхъ по-троеніяхъ. Въ предыдущемъ изложеніи я напомнилъ, какъ утались с.-р. съ общиной и союзомъ общинъ, прежде чѣмъ стали въ аграрномъ вопросѣ на путь государственности. Но и ослѣ того, исправивъ и утвердивъ программу, они не разъ уже ъ него сбивались. Отмѣчу хотя бы такой фактъ, уже констатиро-анный въ ихъ партійной литературѣ.

Въ программѣ с.-р. вопросъ о земельномъ обложеніи при оціализаціи земли рѣшенъ, казалось бы, совершенно опредѣленно. Земельная рента,—говорится въ ней,—путемъ спеціальнаго бложенія должна быть обращена на общественныя нужды". Но

любопытенъ тотъ фактъ,—пишетъ г. Сухановъ,—что соотвѣтствующіе нкты и положенія оффиціальныхъ партійныхъ документовъ не находятъ бѣ достаточной поддержки и обосновки во мнѣніяхъ нашихъ писателей. оборотъ, большинство авторовъ касавшихся обложенія соціализированной мли, дѣлаютъ довольно категорическія предложенія, не согласныя съ фиціальными постановленіями *).

Далѣе г. Сухановъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ ъ трудовъ чуть ли не всѣхъ аграрныхъ теоретиковъ с.-р. втора „Проекта основного закона", изданнаго Новожиловымъ, Грея, Льва Буха, П. Вихляева, С. Зака). Одни изъ нихъ ямо настаиваютъ, что „земельная рента должна поступить ключительно въ пользу трудового земледѣльца", что земля лжна поступить въ „безплатное пользованіе". Другіе, хотя допускаютъ налогъ на землю, но не въ видѣ рентнаго обло-енія, и чуть ли даже не въ видѣ временной только мѣры.

Я не буду останавливаться на выясненіи связи, какая, омнѣнно, существуетъ между этимъ отрицаніемъ права ударства на ренту и указанными уже положеніями, съ одной роны, что право на землю принадлежитъ личности и, съ угой, что земля дожна быть „ничьею". Думаю, что эта связь такъ понятна. Едва ли нужно говорить и о томъ, какую уту должна вносить въ умы „некомпетентной въ научныхъ просахъ публики" эта программная литература, доказывающая, земля должна поступить въ безплатное пользованіе.

Не менѣе сильно колебанія въ вопросѣ, кому должна надлежать земля, сказывались, какъ я думаю, и на такти-кихъ рѣшеніяхъ. Возьму важнѣйшее изъ нихъ—попытку ать рѣшеніе аграрнаго вопроса посредствомъ захвата земли. мъ можетъ быть обосновано такое рѣшеніе? и чѣмъ можно

*) Ник. Сухановъ. „Земельная рента и основы земельнаго обложенія". вопросу о соціализаціи земли. Съ предисловіемъ Викт. Чернова. М. г. Стр. 14.

объяснить склонность къ такому методу дѣйствія? Нѣтъ ли и въ данномъ случаѣ связи—можетъ быть, даже не сознанной и не формулированной—съ положеніемъ, что право на землю есть личное право и что, стало быть, его можно, какъ и всѣ другія личныя права, осуществлять явочнымъ порядкомъ? или съ другимъ положеніемъ, что земля «ничья» и что стало быть, власть надъ нею можно пріобрѣсти внѣ правовыхъ формъ? Какъ бы то ни было, крайне характерно, что вопросъ о правовой власти надъ землей при этомъ методѣ дѣйствія отодвигается на второй планъ, и главное вниманіе сосредоточивается на власти фактической. Мнѣ приходилось уже не разъ указывать на рискованность такой тактики и вновь повторять своихъ соображеній я не буду.

Возвращаясь къ главному вопросу—кому должно принадлежать право на землю: гражданину или народу?—который является спорнымъ между нами и, с-рами я попытаюсь развить не въ полемической уже, а въ положительной формѣ нѣкоторыя изъ соображеній, которыя заставляютъ, по моему мнѣнію, рѣшать этотъ вопросъ совершенно опредѣленно въ пользу коллективности.

VI.

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе землей, ея водами и нѣдрами... О, конечно!—хочется сказать, когда слышишь это положеніе. Въ качествѣ этическаго или соціологическаго постулата оно не можетъ вызвать въ средѣ нашего направленія ни споровъ, ни возраженій *). Мы не должны, однако, забывать, что въ данномъ случаѣ задача заключается не въ томъ, чтобы формулировать нравственную заповѣдь или дать критерій для оцѣнки различныхъ общественныхъ формъ. Такого рода положеній, безпорныхъ не только въ средѣ людей одного и того же общественнаго направленія, но и въ болѣе широкой средѣ почти всего культурнаго человѣчества можно найти, пожалуй, много. Было бы безцѣльно, однако

---

*) Чтобы показать, какъ далекъ я отъ спора съ этихъ точекъ зрѣнія позволю себѣ привести строки, написанныя мною самимъ. „Всѣ личности, — писалъ я въ „Основныхъ положеніяхъ нашей программы“, — равноцѣнны, поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковое право на обладаніе міромъ... Полнота чьей-либо личной жизни ни въ коемъ случаѣ не должна ограничивать жизнь другихъ личностей. И въ этомъ требованіи мы склонны идти очень далеко. Не ограничиваясь предѣлами своей семьи, своей общины, своей націи и даже своего государства, мы требуемъ бережнаго и участливаго отношенія къ интересамъ всего человѣчества. Съ другой стороны, намъ дороги интересы не только современниковъ, но и потомковъ. Понятіе о ближнемъ и любовь къ нему мы стремимся распространить на самыхъ дальнихъ, Идеалъ, который мы ставимъ, долженъ обнять всю землю, долженъ освѣтить и согрѣть всю исторію“. (Программные вопросы“. Вып. I, стр. 13 и 19).

переписывать эти положенія въ законопроекты или выставлять ихъ, какъ политическія требованія. Задача заключается въ томъ, чтобы найти, указать и установить ту общественную форму, то соціальное учрежденіе, тотъ правовой институтъ, при посредствѣ котораго равное право всѣхъ на землю лучше всего могло бы осуществиться. Признавая это право, можно, тѣмъ не менѣе разно рѣшать вопросъ, кому оно—уже въ качествѣ правового института—должно принадлежать: *всѣмъ* ли гражданамъ въ совокупности, какъ коллективности, или *каждому* гражданину въ отдѣльности, какъ личности. Рѣчь идетъ о правѣ не въ этическомъ, а въ юридическомъ смыслѣ, и суть вопроса, какъ видятъ читатели, заключается не въ томъ, чтобы лишить кого-либо права на землю, а въ томъ, какъ, въ какой формѣ его лучше использовать.

Чтобы яснѣе представить себѣ будущее, не лишне, какъ я думаю, оглянуться въ прошлое. Нормы, регулирующія взаимныя отношенія людей по поводу обладанія ими землею, появились въ исторіи, повидимому, очень рано. Нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что въ соціальной жизни человѣчества не было такого момента, когда бы такихъ нормъ не существовало. Возникли они, какъ можно думать, въ формѣ коллективнаго права,—въ видѣ права отдѣльныхъ племенъ на занятыя ими территоріи.

Къ какой бы древности мы ни восходили, — говоритъ Гамбаровъ,— земля представляется намъ всюду, при начальныхъ отадіяхъ общественной организаціи, въ коллективной собственности племени, рода и другихъ союзовъ, среди которыхъ не возникаетъ долго и мысли о томъ, чтобы какое-нибудь отдѣльное лицо могло имѣть исключительное и наслѣдственное право собственности на тотъ или другой участокъ земли. Когда же это право устанавливается, то мы видимъ, что оно устанавливается не иначе, какъ съ согласія и признанія той общественной группы, къ которой принадлежитъ лицо, занимающее тотъ или другой участокъ земли въ частную собственность *).

Въ смыслѣ верховнаго обладанія территоріей право на землю и теперь остается за коллективностью,—за государствомъ. Это право является наиболѣе безспорнымъ. Изъ этого можно дѣлать и дѣйствительно дѣлаются нѣкоторые выводы относительно всѣхъ другихъ правъ на землю. Существуетъ, между прочимъ, такъ называемая „легальная“ теорія частной собственности, стремящаяся объяснить частныя права на землю волею государственной власти, которая по тѣмъ или инымъ соображеніямъ признаетъ эту форму господства надъ вещами наиболѣе цѣлесообразной и ее санкціонируетъ. Внѣ же этой санкціи нѣтъ никакихъ правъ: „Собственность и законъ,—говорилъ Бентамъ,— родились вмѣстѣ и умрутъ вмѣстѣ. До закона не было собственности; устраните законъ и собственность перестанетъ суще-

*) „Вещное право“, стр. 145—146.

ствовать". „Удержаніе земли,—писалъ Лабулэ,—есть только фактъ, утверждаемый силой, пока общество не беретъ на себя защиты этого факта, освящая его своей санкціей: съ этихъ поръ фактъ становится правомъ, и это право есть собственность".

Важное преимущество этой теоріи,—говоритъ г. Гамбаровъ, — заключается въ томъ, что она подчеркиваетъ значеніе собственности, какъ права, сведеніе котораго къ государственной волѣ упраздняетъ спорный вопроса объ ограниченіяхъ этого права. Государство не могло бы съ самаго началъ ни создать, ни допустить собственности, не подчинивъ ее въ то же время соотвѣтствующимъ даннымъ условіямъ ограниченіямъ въ интересахъ сосѣдства, общежитія и т. д. Сверхъ того, сведеніе собственности къ государственной волѣ дѣлаетъ болѣе возможными и легче осуществимыми, какъ видоизмѣненія, такъ и преобразованія и даже самое уничтоженіе института собственности, ктторый, будучи установленъ государственной властью, можетъ быть ею же преобразованъ и уничтоженъ. Вотъ чрезвычайно важное съ точки зрѣнія политики собственности послѣдствіе „легальной" теоріи, вызывающее горячіе протесты противъ этой теоріи со стороны защитниковъ современнаго порядка частной собственности и особенно тѣхъ, которые выводятъ этотъ порядокъ изъ такъ называемаго „естественнаго права" *).

Мнѣ незачѣмъ входить въ разборъ этой теоріи. Я сослался на нее лишь въ качествѣ иллюстраціи, желая напомнить, что нѣкоторыя коллективныя права на землю стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вопросъ о размѣрѣ этихъ правъ—можетъ-ли, напримѣръ, государство уничтожить институтъ частной собственности,—я тоже сейчасъ трогать не буду. Отмѣчу лишь, что коллективное право на землю не только раньше возникло, но и всегда отстаивалось—при встрѣчѣ съ другими однородными правами—особенно энергично. Государство, защищая находящуюся въ его обладаніи землю, не останавливается до сихъ поръ передъ пролитіемъ крови,—и нельзя, конечно, сказать, что оно дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ въ разрѣзъ съ народнымъ правосознаніемъ.

Внутри охваченной уже коллективнымъ правомъ территоріи нормы, регулирующія взаимныя отношенія коллективностей, появились опять-таки, какъ можно думать, прежде, нежели нормы, регулирующія взаимныя отношенія личностей. Родовыя, волостныя, общинныя грани прошли, повидимому, по землѣ раньше, чѣмъ границы подворныя или личныя. И охраняются первыя народнымъ правосознаніемъ долгое время болѣе энергично, чѣмъ послѣднія. У насъ, напримѣръ, произвести передѣлъ между домохозяевами, несомнѣнно, легче, чѣмъ передѣлъ между селеніями. Это можно сказать по отношенію даже къ замершимъ общинамъ, гдѣ уже десятки лѣтъ не было передѣловъ и, быть можетъ, по отношенію даже къ такой коллективности, какъ Донское казачество. Нарушить земельныя права послѣдняго, пожалуй, было бы опаснѣе, чѣмъ произвести черный передѣлъ

*) Ibid стр. 177.

внутри области... Въ общемъ, развитіе права на землю, если не было привходящихъ факторовъ—вродѣ нашествія иноплеменниковъ—шло, какъ можно думать, въ направленіи отъ болѣе широкой коллективности къ болѣе тѣсной—отъ племени къ роду и общинѣ, волостной, сельской или семейной—и отъ этихъ послѣднихъ къ личности. До этой послѣдней стадіи процессъ развитія земельнаго права у насъ въ Россіи, можно сказать не дошелъ. Потому ли, что время не исполнилось, или встрѣчныя теченія мѣшали, но по отношенію къ громадной части крестьянства, если и можно говорить, то только о подворномъ семейномъ правѣ на землю, а не личномъ.

Встрѣчныя же теченія были... Изслѣдователи нашего народнаго права видятъ въ послѣднемъ результатъ борьбы двухъ главныхъ началъ. Если принять терминологію К. Р. Качоровскаго, таковыми были: право труда и право на трудъ. Въ общемъ же ходъ развитія правовыхъ воззрѣній на землю, если начать прямо съ общины, представляется въ такомъ видѣ.

Пока земли много, ею и ея произведеніями „люди пользуются такъ-же, какъ воздухомъ, и никому въ голову не приходитъ, что она можетъ быть обращена въ исключительное пользованіе и тѣмъ болѣе въ завладѣніе. Связи съ землей не закрѣплены еще постоянствомъ отношеній и регулярнымъ приложеніемъ труда“ *). Въ этой стадіи въ сущности нельзя даже говорить о правѣ въ юридическомъ смыслѣ: имѣются лишь фактическія отношенія людей къ землѣ, но взаимныя ихъ отношенія по поводу земли не регулируются еще никакими обязательными нормами. Послѣднія появляются позже и именно въ формѣ „заимочнаго права“. Народное правосознаніе санкціонируетъ нѣкоторыя изъ фактическихъ отношеній къ землѣ, и коллективность беретъ ихъ подъ свою защиту. Основаніемъ для такой санкціи служитъ фактъ приложенія труда къ землѣ: отдѣльныя лица и группы ихъ могутъ предъявлять свои притязанія на землю лишь въ тѣхъ границахъ, гдѣ ихъ „топоръ и соха ходили“, какъ выражаются на этотъ счетъ древне-русскіе акты. Съ прекращеніемъ трудовыхъ отношеній къ землѣ сначала прекращалось и право на нее. Если хозяинъ бросалъ землю, то она опять становилась „ничьею“ въ предѣлахъ данной общины, доступною любому изъ ея членовъ. Въ согласіи съ этимъ находились и системы хозяйства—переложная и подсѣчная. Съ теченіемъ времени появляется, однако, стремленіе удерживать за собою землю и послѣ того, какъ трудъ на ней прекратился. Возможно, что развитію права въ данномъ направленіи способствовало то, что вложенный въ землю трудъ не сразу вознаграждался, а съ дру-

---

*) Ф. Щербина. „Заимочное право“. (Издат. „Народный трудъ“, сборникъ XI-й СПБ. 1907 г.).

гой стороны, и то, что расчищенная земля и мягкая пашня начали играть все большую и большую роль въ хозяйствѣ. Какъбы то ни было, уже въ этотъ допередѣльный періодъ мы встрѣчаемъ притязанія на землю не только въ тѣхъ границахъ, гдѣ соха „ходитъ“, но и въ тѣхъ, гдѣ она „ходила“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе распорядиться своимъ правомъ не только при жизни, но и послѣ смерти, посредствомъ завѣщанія. Не только фактъ приложенія труда въ настоящемъ, но и фактъ приложенія его въ прошломъ сталъ являться основаніемъ для власти надъ землею, освящавшейся нерѣдко народнымъ правосознаніемъ.

Мнѣ кажется, — пишетъ Качоровскій, желая объяснить это явленіе, — что основаніе права на землю у обработавшаго ее, собственно говоря, совершенно аналогично съ правомъ родителей на ихъ ребенка. Какъ ребенокъ есть органическая и функціональная часть организма отца и матери, есть матеріальная частица ихъ тѣлъ, такъ и *земля въ обработанномъ видѣ относится къ земледѣльцу, какъ слѣдствіе къ причинѣ, есть матеріальная частица его, ибо на заключаетъ въ себѣ въ превращенной формѣ часть энергіи его организма...* На этомъ-то болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что обработанная земля неотъемлемо принадлежитъ обработавшему ее, такъ какъ въ нее *неотдѣлимо включена частица его самого*, и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всѣхъ народовъ въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ ихъ исторіи; это право, собственно, вполнѣ теоретически всѣми признаваемое и въ настоящее время, съ особенной ясностью выступаетъ именно въ захватный періодъ, —когда земельныя права только зарождаются и складываются *).

Приводя это объясненіе, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на характерное совпаденіе подчеркнутыхъ авторомъ, строкъ съ нѣкоторыми опредѣленіями, относящимися къ частной собственности, которыя были приведены мною выше. Напомню хотя бы выраженіе Вирта, что „вещь есть нѣкоторымъ образомъ часть нашей личности, продолженное „я“; или опредѣленіе, данное личной собственности В. М. Черновымъ, разсматривающимъ ее, какъ бы „гордое выступленіе человѣческой личности за границы своей собственной индивидуальной природы“. Дѣло, конечно, не въ объясненіяхъ и опредѣленіяхъ, а въ томъ, что и по существу право на землю, основанное на правѣ труда, имѣетъ общія черты съ правомъ личной собственности. „Право труда или, точнѣе, право затраченнаго труда,—говоритъ г. Качоровскій въ другомъ своемъ изслѣдованіи,—проникнуто личнымъ началомъ и представляетъ собою индивидуалистическое право“ **). И это, я думаю, вполнѣ понятно: трудъ—аттрибутъ личности, и это его свойство съ особою силою должно сказываться въ строѣ индивидуальнаго хозяйства. Если право на землю, складывавшееся въ средѣ крестьянства подъ сильнымъ вліяніемъ трудового начала, не пріобрѣло еще въ его правосознаніи личнаго характера,

*) „Русская община“, т. I, стр. 219 и 220.
**) „Народное право“, стр. 151.

то этимъ до извѣстной степени мы, несомнѣнно, обязаны тому, что основной хозяйственной ячейкой является семья,—хотя и маленькая, но кооперація. Само же по себѣ народное правосознаніе,—говоритъ г. Качоровскій—„поскольку оно исходитъ изъ одного только права затраченнаго труда, не только не представляетъ ступени къ высшему идеалу обобществленія и коллективизма, но скорѣе отходитъ дальше въ сторону отъ него“.

Резюмируя соціально-политическое значеніе права труда, — продолжаетъ онъ,—можно, мнѣ кажется, сказать, что *оно представляетъ начало демократическое, но не коллективистское.* Вошедшее прочно въ народное правосознаніе право затратившаго трудъ и на орудія, и на продуктъ труда, развитое до логическаго конца, несомнѣнно, даетъ нѣкотораго рода идеалъ „освобожденія труда“ отъ всякаго нетрудового права, т. е. отъ всякой эксплуатаціи его хищническимъ государствомъ и капитализмомъ. Но отрицая антитрудовое строеніе давящей его соціальной пирамиды, чистое и голое право затраченнаго труда замѣнило бы, если бы побѣдило, эту пирамиду своеобразнымъ царствомъ необъединеннаго, раздробленнаго труда, господствомъ, такъ сказать, равенства безъ братства, какимъ-то особеннымъ видомъ жесткаго, суроваго, противообщественнаго анархизма. А главное, смогло ли бы оно побѣдить? *).

Въ этомъ послѣднемъ приходится больше, чѣмъ сомнѣваться... Кромѣ соображеній, которыя приводитъ по этому случаю г. Качоровскій, можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ. Приведу одно, наиболѣе, по моему мнѣнію, существенное. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно установить „право затратившаго трудъ“?—особенно теперь, при мѣновомъ строѣ хозяйства, когда каждый продуктъ и каждое орудіе представляетъ результатъ труда множества лицъ, чуть ли не всего человѣчества? Какимъ образомъ это право можетъ быть установлено, въ частности, по отношенію къ землѣ, надъ обработкой которой трудился цѣлый рядъ поколѣній?—по отношенію къ землѣ, которая при данномъ хозяйственномъ строѣ даетъ „незаработанное приращеніе“, именуемое земельной рентой? Не будетъ ли при такихъ условіяхъ всякое индивидуальное право, основанное на затраченномъ трудѣ, завѣдомо необоснованнымъ и даже завѣдомо неправымъ? И побѣда трудового права въ индивидуальной его формѣ надъ такимъ же нетрудовымъ правомъ не окажется ли въ силу этого только—въ силу смѣшенія одного съ другимъ—невозможной?

Между тѣмъ индивидуальное право, разъ возникши, стремится конечно, стать неограниченнымъ,—сдѣлаться въ конечномъ счетѣ правомъ собственности. Я уже упомянулъ, что даже въ захватный періодъ землепользованія и въ эпоху безраздѣльнаго почти господства натуральнаго хозяйства наблюдается стремленіе распорядиться этимъ правомъ не только при жизни, но и

*) Ibid, стр. 160.

послѣ смерти. Тѣмъ сильнѣе это стремленіе можетъ быть теперь, когда въ народную жизнь привносится много элементовъ такого же индивидуальнаго, но вовсе уже не трудового права *)...

Надо сказать, что въ крестьянской средѣ правовыя воззрѣнія, основанныя на затратѣ труда очень сильны **). И если бы даже въ народную жизнь вовсе не привносилось другихъ началъ индивидуальнаго права, то эти воззрѣнія, логически развиваясь въ томъ направленіи, въ какомъ ихъ развитіе шло до сихъ поръ, сами по себѣ привели бы въ концѣ концовъ къ установленію личной собственности на землю. Если же этого не случилось, то благодаря тому только, что въ народной жизни оказалось другое правообразующее начало, направлявшее развитіе земельнаго права въ противоположную сторону,—не въ сторону индивидуализма, а въ сторону коллективизма.

К. Р. Качоровскій называетъ это начало „правомъ на трудъ“. Суть въ томъ, что индивидуальная власть надъ вещью не только стремиться сдѣлаться неограниченной, но и дѣлается въ концѣ концовъ, если не является таковой уже съ самаго начала, неравной. Захватное или заимочное право на землю уже при возникновеніи своемъ оказывается именно таковымъ, неравнымъ: это право работоспособнаго и оно тѣмъ больше, чѣмъ индивидуумъ сильнѣе, чѣмъ онъ выносливѣе. Но это первоначальное неравенство ограничено все-таки извѣстными предѣлами. Оно становится однако—по крайней мѣрѣ, можетъ становиться—все

---

*) Какъ я уже сказалъ, мнѣ не хотѣлось бы въ этой части изложенія полемизировать. И въ данномъ мѣстѣ я не сдѣлаю исключенія; позволю лишь себѣ выразить надежду, высказавъ ее словами К. Р. Качоровскаго, а именно „что у извѣстной части крайней лѣвой активность не затемнитъ критицизма и она во время твердо ухватится не за тотъ рычагъ, который соблазняетъ внѣшними эффектами революціонности, кружитъ голову программной, чисто словесной „максимальностью“ и покоряетъ сердце филантропическими надеждами на быстрое утоленіе народныхъ страданій, но который вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ бы всѣ эти иллюзіи, ибо отклонилъ бы движеніе отъ *высшаго* и *чистаго* типа коллективизма къ низшему сго типу и даже отчасти къ укрѣпленію индивидуализма, — а за тотъ единственный вѣрный рычагъ, гдѣ принципъ коллективизма всего шире, глубже, чище и полнѣе“... („Народное право“, стр. 163).

**) Во избѣжаніе недоразумѣній считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по адресу „проницательнаго читателя“. Я вовсе не предлагаю занять по отношенію къ этимъ воззрѣніямъ просто отрицательную позицію. Напротивъ, я полагаю, что въ вопросахъ практической политики—при построеніи партійной платформы—съ ними нужно очень внимательно считаться. Больше того: я думаю, что ихъ можно и должно использовать, и притомъ не только въ качествѣ сильнаго средства въ очередной борьбѣ трудового крестьянства съ помѣстнымъ сословіемъ, но и въ интересахъ—объ этомъ я еще буду говорить — нашей конечной цѣли, въ интересахъ коллективизма. Я возражаю лишь противъ того, чтобы искать свой идеалъ въ томъ направленіи, въ какомъ эти воззрѣнія развивались до сихъ поръ, — въ направленіи индивидуальнаго права.

значительнѣе по мѣрѣ того, какъ увеличивается роль накопленнаго труда въ хозяйственной жизни. Сохой больше можно вспахать земли, чѣмъ вскопать голыми руками, съ двумя лошадьми—больше, чѣмъ одной. Неравенство можетъ сдѣлаться еще болѣе значительнымъ, когда право на землю опредѣляется уже не только прилагаемымъ въ данное время трудомъ, но и вообще, когда бы то ни было затраченнымъ. Оно, наконецъ, можетъ достигнуть очень крупныхъ размѣровъ, когда въ правѣ на землю учитываются трудовыя затраты не только даннаго лица, но и его предковъ, когда право становится наслѣдственнымъ... Какъ бы то ни было, при захватномъ способѣ землепользованія это неравенство очень скоро начинаетъ чувствоваться. Когда же находящаяся въ обладаніи общины земля окажется вся захваченной, то опо отливается въ острую форму: появляется цѣлый рядъ лицъ, которыя не могутъ вполнѣ использовать своихъ силъ, и даже такихъ, которымъ не къ чему приложить ихъ. Внутри общины разгорается борьба—борьба между тѣми, кто основываетъ свое право на трудѣ въ прошломъ, и тѣми, кто отстаиваетъ свое право трудиться въ будущемъ. Если коллективность жива, то она уничтожаетъ право труда и возстановляетъ право на трудъ. На мѣсто захватной формы землепользованія возникаетъ передѣльно-уравнительная.

Трудно, быть можетъ, сказать, нарождается-ли въ данномъ случаѣ новое право или оживаетъ старое. Представляетъ ли передѣлъ непосредственный результатъ борьбы двухъ заинтересованныхъ силъ и побѣды той изъ сторонъ, которая неизбѣжно почти становится все болѣе многочисленной? или, кромѣ непосредственныхъ интересовъ, здѣсь дѣйствуетъ и другіе, менѣе видныя силы, заставляющія соглашаться на передѣлъ даже тѣхъ, кому опъ явно не выгоденъ? Сказывается ли въ этомъ случаѣ свойственное всякому соціальному существу сознаніе, что всѣ члены коллективности имѣютъ равное право па жизнь, или оживаютъ воспоминанія, что землею всѣ сообща завладѣвали и всѣ ее сообща защищали? Такъ или иначе, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ начало, которое ведетъ къ установленію или возрожденію коллективной власти надъ землею. „Въ противность праву затраченнаго труда, являющемуся въ зависимости отъ формы владѣнія и производства, то личнымъ, то коллективнымъ началомъ,—говоритъ К. Р. Качоровскій,—право на трудъ, по самому существу своему, коллективно“ *).

Надо, однако, сказать, что исторія вообще и у насъ, въ частности, въ Россіи не очень благопріятствовала развитію этого коллективнаго начала въ народныхъ воззрѣніяхъ Коллективность, какъ таковая, сохранилась лишь въ самыхъ низахъ на-

*) „Народное право“, стр. 171.

родной жизни, въ формѣ мелкихъ общинъ, да и тѣ должны были жить и развиваться подъ сильнымъ давленіемъ индивидуальной власти чиновника или барина. Всѣ болѣе широкія коллективности оказались дезорганизованными государствомъ, получившимъ рѣзко выраженный централистическій характеръ. На это были, конечно, свои причины,—и въ числѣ ихъ наиболѣе видную, быть можетъ, роль, какъ мнѣ приходилось уже указывать *), сыграла необходимость отстаивать свою территорію отъ вторженія иноплеменниковъ. Сохранивъ и доведя до высшей напряженности право верховнаго обладанія надъ нею, государство растеряло почти всѣ остальныя права на землю. Произошло это тѣмъ незамѣтнѣе и легче, что народное правосознаніе вовсе почти не участвовало въ созданіи правовыхъ нормъ, при посредствѣ которыхъ проявляла себя государственная коллективность.

Но въ низахъ народной жизни коллективное право на землю не могло развиваться свободно. Я не буду останавливаться на условіяхъ, которыя этому препятствовали. Достаточно, я думаю, въ этомъ случаѣ напомнить, что въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, оно, несомненно, лучше сохранилось и дальше подвинулось въ своемъ развитіи, чѣмъ въ общинахъ, бывшихъ помѣщичьихъ. Такъ или иначе, но въ общинѣ коллективное право на землю далеко не вездѣ успѣло отлиться въ форму постоянно и регулярно дѣйствующаго института. Въ большинствѣ случаевъ оно дошло до нашихъ дней въ видѣ періодически возрождающихся и потомъ какъ бы опять замирающаго права.

Каждый количественно-качественный передѣлъ,—говоритъ г. Качоровскій, — вырываетъ съ корнемъ личное право труда, а затѣмъ это право труда съ каждой вспашкой, посѣвомъ, съ каждой телѣгой навоза и т. д. снова пускаетъ корни. Всѣ „держатели“ надѣловъ, которымъ выгодно данное распредѣленіе земли, снова прирастаютъ къ своимъ надѣламъ, и новый передѣлъ лишь съ усиліемъ, съ болью и борьбой, отрываетъ опять эти корни личнаго права труда, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же опять началось новое ихъ прорастаніе **).

Въ дѣйствительности эта борьба между личнымъ и коллективнымъ правомъ гораздо сложнѣе, чѣмъ ее изображаетъ въ данномъ случаѣ г. Качоровскій: въ нее привходитъ много другихъ элементовъ и вмѣшивается много другихъ силъ, обыкновенно не въ пользу коллективности. Напомню хотя бы законъ, воспретившій частные передѣлы и тѣмъ, въ сущности, лишившій общину права дѣйствовать въ качествѣ постояннаго института. Тѣмъ же закономъ, какъ извѣстно, общіе передѣлы были ограничены минимальнымъ срокомъ и поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ. Коллективному праву было разрѣшено,

---

*) См. „Программные вопросы“, вып. II. „Историческіе предпосылки“.
**) „Русская община“, т. I, стр. 317.

можно сказать, оживать не иначе, какъ только разъ въ теченіе 12-лѣтнаго срока, да и то съ дозволенія начальства, воспитаннаго въ атмосферѣ личной собственности и незнающаго другихъ авторитетовъ, кромѣ личной власти. Напомню, далѣе, насильственное разрушеніе общины, которое спѣшно производилось Столыпинскимъ законодательствомъ, и которое имѣло совершенно очевидную цѣль искоренить во что бы то ни стало въ народномъ сознаніи коллективное право на землю.

Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ воззрѣнія на землю, какъ на коллективную собственность, очень сильны еще въ народѣ. Они сказались, вѣдь не только въ томъ, что сохранили общину отъ распада, развили этотъ институтъ у государственныхъ крестьянъ и возродили его во многихъ случаяхъ у бывшихъ помѣщичьихъ; сказались они и въ тѣхъ мечтахъ о „черномъ передѣлѣ“, о „всеобщемъ поравненіи“, которымъ такъ долго жило крестьянство; сказались они, — притомъ съ неожиданною для многихъ силою,—и въ народномъ движеніи 1904—1906 годовъ. Послѣ того, что мы уже пережили и видѣли, я думаю, не можетъ быть сомнѣнія, что при возникновеніи демократически-организованныхъ коллективностей въ Россіи, они, несомнѣнно, сдѣлаютъ попытку въ той или иной формѣ возстановить свое право на землю.

Конечно, коллективному праву придется вынести упорную борьбу съ личнымъ, но у насъ не можетъ быть никакихъ колебаній, на сторону котораго изъ нихъ мы должны встать: мы должны употребить всѣ усилія, чтобы дать перевѣсъ первому. Больше того: мы должны сдѣлать все возможное, чтобы оно установилось въ видѣ постоянно и регулярно дѣйствующаго института, а не ожило только на одинъ моментъ, чтобы опять замереть на долго. Не забудемъ главной задачи, которая стоитъ передъ нами.

Какъ, въ какой формѣ лучше всего осуществить равное право всѣхъ на землю?—таковъ вопросъ, которымъ я началъ настоящую главу. Думаю, что даже та поверхностная экскурсія, которую мы совершили въ исторію поземельныхъ отношеній даетъ намъ отвѣтъ. Въ прошломъ равенство всѣхъ достигалось лишь при помощи коллективной власти надъ землею.

VII.

О недавнемъ прошломъ, почти настоящемъ, я упоминалъ лишь мимоходомъ, но мы должны и въ него внимательно всмотрѣться: какимъ образомъ можно обезпечить равное право всѣхъ на землю?

Отвѣтъ на это, казалось бы, давно имѣется: „уравнительное землепользованіе“—такова его ходячая формула. Но эту формулу можно наполнить разнымъ содержаніемъ, и, надо сказать, что

противники этимъ пользуются. П. П. Масловъ, напримѣръ, увѣрялъ, какъ-то своихъ читателей, что народники намѣрены „дѣлить лаптями землю поровну“.

Дѣлежъ земли (*„уравнительное“* землепользованіе).—писалъ онъ.—вотъ характерный и главный пунктъ программы соціалъ-народниковъ. Этотъ пунктъ вытекаетъ изъ всей идеологіи мелкаго мѣщанства и, съ точки зрѣнія послѣдняго, чрезвычайно легко отодвигаетъ общество отъ современнаго экономическаго уклада. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто несправедливаго неравенства въ деревнѣ (хотя это неравенство какъ разъ и отрицается народниками), у всѣхъ крестьянъ будетъ *поровну* земли: какъ это будетъ справедливо и нравственно, какъ легко и скоро осуществится „правда-истина и правда-справедливость“, и какъ все это... мѣщански близоруко! *)

Въ частности, то же самое намѣреніе г. Масловъ приписалъ и мнѣ. Коснувшись моей полемики съ г. Новоторжскимъ, онъ продолжалъ.

Если раздѣлъ земли между общинами, т. е. насажденіе товариществъ мелкихъ собственниковъ, не всеми народниками признается желательнымъ, то надежды на уравнительное землепользованіе являются типичными для мѣщанскаго соціализма. Этими надеждами питаются одинаково какъ сторонники соціализаціи, такъ и сторонники націонализаціи земли. Дѣлить лаптями землю поровну—развѣ это не гарантія противъ капитализма?!.. Что раздѣлы и передѣлы гарантируютъ отъ капитализма,—за это ручаются всѣ соціалъ-народники **)...

Поскольку дѣло касалось, въ данномъ случаѣ, меня лично, постольку ламентаціи г. Маслова могли вызвать только улыбку. Надо сказать, что въ своихъ статьяхъ я сознательно воздерживался отъ употребленія формулы „уравнительное землепользованіе“. Она всегда представлялась мнѣ не вполнѣ удачной, способной породить недоразумѣнія не только среди противниковъ, но и среди сторонниковъ нашей аграрной программы. Съ одной стороны, своимъ словеснымъ выраженіемъ она могла навести на мысль, что равное право всѣхъ на землю можетъ быть осуществлено въ видѣ права каждаго на клочекъ земли въ натурѣ. Съ другой стороны, своимъ происхожденіемъ она могла дать поводъ думать, что для осуществленія равенства въ земельныхъ отношеніяхъ достаточно распространить на всю Россію порядки, принятые въ современной общинѣ.

Теперь приходится признать, что склонность къ такой именно конструкціи земельнаго права въ средѣ соціалъ-народническаго направленія дѣйствительно оказалась. Съ особою, быть можетъ, наглядностью она сказалась въ той теоріи личнаго права на землю, съ которой выступилъ П. А. Вихляевъ.

Къ общей суммѣ правъ гражданина и человѣка,—говоритъ послѣдній,—должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическимъ статутамъ

---

*) П. Масловъ. „Объ аграрныхъ программахъ“. (Правда“, 1905, сентябрь—октябрь, стр. 257).

**) Ibid., стр. 259.

западно-европейскихъ государствъ—право на землю каждаго русскаго гражданина, право поголовнаго земельнаго надѣла... Обширная коллективность, составляющая русское государство,—продолжаетъ г. Вихляевъ,—должна стать къ русской землѣ въ тѣ же правовыя отношенія, въ которыхъ находится деревенская община къ своимъ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, съ тѣми естественными ограниченіями, которыя вызываются особенностями въ положеніи дѣла. Какъ слѣдствіе подобнаго правового отношенія должно возникнуть право уравнительнаго передѣла...*).

Читатели видятъ, что право на землю понимается въ данномъ случаѣ, какъ право каждаго гражданина на опредѣленную часть территоріи (поголовное надѣленіе), осуществляемое тѣмъ же способомъ, какой практикуется въ современной общинѣ (уравнительные передѣлы). Къ своей теоріи г. Вихляевъ пришелъ индуктивнымъ путемъ, исходя изъ данныхъ объ историческомъ развитіи и современномъ состояніи народнаго правосознанія.

Если отдѣлить,—говоритъ онъ,—историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства и разсматривать общину исключительно какъ форму землепользованія, то въ ней наглядно проявляется основной принципъ—*право на землю всякаго члена общины*, осуществляемый уравнительными передѣлами...

Авторъ знаетъ, что

только въ періодъ пореформенной жизни русскаго крестьянина потягольная разверстка земли и разверстка по мужскимъ ревизскимъ душамъ дополняется разверсткой земли по наличнымъ душамъ обоего пола, по ѣдокамъ. Право на землю признается общимъ безъ различія пола...

Другими словами: автору извѣстно, что „право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами“, или, какъ онъ его понимаетъ, „право поголовнаго земельнаго надѣла“, есть историческій фактъ, притомъ недавняго происхожденія и, несомнѣнно, не получившій еще „общаго признанія“. Если даже допустить, что онъ констатированъ точно и истолкованъ правильно, то и за всѣмъ тѣмъ нельзя еще признать доказаннымъ, что лежащій въ основѣ его „принципъ“ является конечнымъ, а не однимъ лишь изъ среднихъ звеньевъ въ общей цѣпи правового развитія. Это не помѣшало, однако, г. Вихляеву право на землю, какъ онъ его понимаетъ, включить, безъ дальнѣйшихъ околичностей, въ „общую сумму правъ гражданина и человѣка“, т. е. отнести его къ числу естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ личности. Въ юридической конструкціи, которая имъ предложена, это личное право на землю является основнымъ, „независимымъ отъ лица посторонняго“, а право коллективности на ту же землю—производнымъ, „ограниченнымъ“. Допуская коллективное право въ формѣ уравнитель-

*) П. Вихляевъ. „Право на землю“. Книгоиздательство „Молодая Россія“. М. 1906 г. Первоначально это статья появилась въ журналѣ „Народное Хозяйство“ за 1905 годъ.

наго передѣла, г. Вихляевъ разсматриваетъ его только какъ слѣдствіе личнаго права на землю.

Такъ какъ это право,—говоритъ, онъ—при своемъ осуществленіи встрѣчается съ такимъ же равнымъ ему и неотчуждаемымъ правомъ всякаго другого гражданина, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость въ установленіи передѣловъ, долевого участія каждой земледѣльческой семьи въ томъ общенародномъ достояніи, которымъ становится при указанныхъ условіяхъ земля. Уравнительность участія въ пользованіи общенароднымъ земельнымъ достояніемъ есть логическое слѣдствіе права на землю...

Нѣсколько позже, чѣмъ г. Вихляевъ, сторонникомъ тоій же теоріи личнаго права на землю выступилъ В. М. Черновъ, пришедшій къ ней, повидимому, инымъ путемъ, основываясь не столько на фактическихъ данныхъ, сколько на логическихъ соображеніяхъ, и имѣя въ виду не столько развитіе права въ прошломъ, сколько предполагаемую имъ конструкцію его въ будущемъ.

Существеннымъ признакомъ соціализаціи,—пишетъ онъ,—является тотъ фактъ, что исходнымъ ея пунктомъ дѣлается установленіе общенародныхъ или, что то же, общегражданскихъ правъ на землю. Каждый членъ народа, населенія, каждый гражданинъ является, такимъ образомъ, не пассивнымъ объектомъ воздѣйствія поземельной политики государства, а *управомоченнымъ*, т. е. лицомъ, право котораго соотвѣтственно закрѣплено гражданскимъ строемъ, ея конституціей, и которое поэтому „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ“. Такимъ образомъ, поземельная политика государства можетъ свободно двигаться лишь въ опредѣленныхъ рамкахъ, опредѣляемыхъ основными правами на землю, принадлежащими индивиду. Эти права предшествуютъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ обусловливаютъ характеръ и содержаніе поземельной политики. Государство и его органы становятся уже по этой концепціи, не независимыми юридическими лицами, собственническія права которыхъ на землю есть что то, стоящее выше индивидовъ съ ихъ притязаніями, нѣтъ, они превращаются лишь въ юридическіе аппараты, регуляторы, примиряющіе и приводящіе къ гармоніи единичныя права *)

Юридическая конструкція получается та же, что и у г. Вихляева... Я долженъ, однако, отмѣтить, что В. М. Черновъ, подчеркивая въ приведенномъ мною мѣстѣ, какъ и вообще въ своей статьѣ, что гражданинъ долженъ быть *правомочнымъ* лицомъ, а не пассивнымъ объектомъ государственнаго воздѣйствія, совершенно не вскрываетъ фактическаго содержанія того „основного права на землю, принадлежащаго индивиду“, которое должно предшествовать и обусловливать государственную политику. „Здѣсь не мѣсто,—говоритъ онъ,—входить въ характеристику конкретныхъ правовыхъ и хозяйственныхъ формъ, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи“... Повидимому, ему

*) В. М. Черновъ. Къ аграрному вопросу. (Что такое соціализація земли?) „Народный Вѣстникъ“. 1906 г., № 2... Эта статья также, какъ цитируемая мною изъ „Народнаго Знамени“, перепечатаны во второмъ выпускѣ сборника „Соціализація земли“ (Книгоиздательство „Сотрудничество“ Москва, 1908 г.).

чуждо, однако, то упрощенное пониманіе равенства въ земельныхъ отношеніяхъ—равенства въ формѣ права на поголовное надѣленіе,—какое постулируетъ П. А. Вихляевъ. По крайней мѣрѣ отдѣльныя мѣста статьи г. Чернова даютъ право думать, что содержаніе индивидуальнаго права на землю можетъ, по его мнѣнію, измѣняться... Но кто же въ такомъ случаѣ будетъ опредѣлять его: сама ли личность или коллективность? Конкретно: отъ кого будетъ зависѣть форма, въ которой гражданинъ можетъ получить свою долю въ общенародномъ достояніи,—землею ли, напримѣръ, или деньгами? Если предоставить рѣшеніе этого вопроса гражданину, то не значитъ ли это предоставить ему по отношенію къ землѣ право отчужденія—„вѣнецъ собственности?“ Если же рѣшеніе этого вопроса предоставить государству, то не значитъ ли это признать за нимъ „неограниченную власть надъ вещью“, поставивъ содержаніе личнаго права въ зависимость отъ рѣшенія коллективности?... Отъ кого, далѣе, будетъ зависѣть переходъ къ общественному хозяйству, къ соціализму? Отъ согласія ли каждой личности или отъ общаго рѣшенія коллективности? И далѣе: добиваясь чего, личность можетъ „привести въ движеніе правопорядокъ“ при общественномъ хозяйствѣ? Можетъ ли она требовать опредѣленной доли земли или имѣетъ право предъявить притязаніе только на опредѣленную долю продукта? Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы, вѣдь говорить не о правѣ на землю, а о правѣ на продуктъ,—о правѣ, которое едва ли можетъ свестись къ равному дѣлежу продукта между всѣми. И въ конечномъ счетѣ равное право всѣхъ на землю не сведется ли къ равному праву распоряженія ею,—къ праву распоряженія, осуществляемому въ составѣ коллективности, а не каждой отдѣльной личностью въ отдѣльности?...

Я считаю себя въ правѣ поставить эти вопросы, имѣя въ виду другую уже цитированную мной во второй главѣ статью В. М. Чернова, въ которой онъ обнаружилъ склонность вопросъ о правѣ на землю свести къ „общему демократическому началу *самоуправленія*, въ область вѣдѣнія котораго вошло бы и завѣдываніе земельнымъ имуществомъ на началѣ равенства правъ членовъ коллективности“ *). Каждому, я думаю, понятно, что въ формѣ самоуправленія можетъ осуществиться только коллективное право, но отнюдь не личное. Едва ли В. М. Черновъ согласился бы допустить, чтобы коллективность „завѣдывала другими неотчуждаемыми правами личности и опредѣляла, напримѣръ,—хотя бы и на „началѣ равенства“,—какъ слѣдуетъ вѣровать (свободу совѣсти) или въ какой формѣ слѣдуетъ дѣ-

*) Викторъ Черновъ. Соціализація земли и община. „Народное Знамя“, 1907 г. № 1.

литься своими мыслями (свободу слова)... Поэтому я и считаю себя вправѣ спросить, не по недоразумѣнію ли онъ отнесъ къ числу этихъ неотчуждаемыхъ правъ и право на землю?

Отмѣтить возможность такого недоразумѣнія мнѣ представлялось необходимымъ теперь же, чтобы избѣгнуть упрека, что, пользуясь недомолвками В. М. Чернова, я безъ достаточнаго основанія отожествилъ его теорію съ Вихляевской. По существу же къ затронутымъ на послѣдней страницѣ вопросамъ, мнѣ еще придется подойти съ другой стороны. Сейчасъ же познакомимся съ тѣми „конкретными правовыми и хозяйственными формами, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи", если исходить изъ теоріи личнаго права на землю. Мы имѣемъ уже нѣсколько попытокъ дать проектъ такихъ формъ. Отмѣчу нѣкоторыя, наиболѣе разработанныя, изъ нихъ.

Это, во-первыхъ. „Проектъ основного закона о землѣ", изданный Н. О. Новожиловымъ подъ коллективной редакціей (Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина), извлеченіе изъ какового съ нѣкоторой переработкой, было внесено подъ названіемъ „Проектъ основного земельнаго закона" въ первую Государственную Думу за подписью 33-хъ членовъ. Если взять редакцію второго изъ этихъ проектовъ, то „земельныя права россійскихъ гражданъ" по отношенію къ пользованію землею для сельско-хозяйственныхъ промысловъ опредѣлены въ немъ такимъ образомъ:

§ 1. Всѣ граждане и гражданки могутъ по желанію, получать въ пользованіе землю или на срокъ или безсрочно.

§ 2. Каждый имѣетъ право получить въ пользованіе столько земли, чтобы за уплатой поземельнаго налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи.

Также опредѣлены въ немъ и права на пользованіе усадебными участками:

Всѣ граждане и гражданки могутъ получать въ безсрочное пользованіе усадебные участки извѣстнаго размѣра для всякаго рода жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Такимъ образомъ право на землю въ такихъ случаяхъ понимается въ томъ смыслѣ, какой вкладываетъ въ него г. Вихляевъ, а именно въ смыслѣ права на поголовное надѣленіе. Что государство при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ можетъ отказать въ выдѣлѣ участка для сельско-хозяйственнаго промысла законопроектъ 33-хъ не допускаетъ даже мысли. Право на землю въ немъ дѣйствительно ставится какъ неотъемлемое право личности.

Другая попытка, которую я хотѣлъ бы отмѣтить, это извѣстный уже намъ „Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона", внесенный с.-р. во вторую Думу.

е) Каждый гражданинъ—говорится въ немъ,—желающій приложить свой трудъ къ землѣ и не достигшій этого путемъ соглашенія съ отдѣльными общинами, земельными товариществами или артелями, имѣетъ право обращаться въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства, которыя обязаны:

1) или помѣстить его на земляхъ одной изъ многоземельныхъ общинъ въ порядкѣ, указанномъ особымъ закономъ,

2) или отвести ему надѣлъ изъ запаснаго земельнаго фонда той или другой болѣе крупной территоріальной самоуправляющейся единицы,

3) или устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій по обработкѣ земли.

Въ данномъ случаѣ указанъ даже способъ, какимъ гражданинъ „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ“... Но право его на землю оказывается уже ограниченнымъ въ пользу коллективности: вмѣсто выдѣла участка въ натурѣ послѣдняя можетъ „устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій“. Въ результатѣ вмѣсто права на землю получается уже нѣчто иное—право на сельско-хозяйственный трудъ... Таково одно изъ „естественныхъ ограниченій, вызываемыхъ особенностями дѣла“,—если выразиться словами г. Вихляева, который, къ слову сказать, въ своемъ проектѣ не только его не предусматриваетъ, но и къ самому принципу права на трудъ, какъ къ правообразующему началу въ аграрныхъ отношеніяхъ, относится отрицательно. Откуда взялось это ограниченіе въ законопроектѣ с.-р. мы уже знаемъ: авторы его признали въ концѣ-концовъ за коллективностью такія права,—какъ, напримѣръ, право обращать землю въ общественное пользованіе,—что волей-неволей имъ пришлось кое-что узрѣть въ ея пользу изъ неотчуждаемыхъ правъ личности. Я упомянулъ объ одномъ ограниченіи, но ихъ имѣется или мыслится цѣлый рядъ. Достаточно сказать, что въ примѣчаніи къ приведенному мною пункту законопроекта говорится: „Особымъ закономъ устанавливается порядокъ отобранія надѣловъ или отказъ въ ихъ отведеніи въ случаяхъ, того требующихъ“... Это не вполнѣ ясно, но и за всѣмъ тѣмъ знаменательно.

Имѣются ограниченія и въ несравненно болѣе прямолинейномъ законопроектѣ 33-хъ. Такъ уже право на усадебныя земли въ немъ „разъяснено“ такимъ примѣчаніемъ:

Усадебные участки по общей нормѣ и съ обложеніемъ общимъ налогомъ отводятся внѣ поселеній и при мелкихъ поселеніяхъ. Въ селеніяхъ же крупнаго размѣра, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могутъ отводиться въ уменьшенномъ размѣрѣ, за увеличенную плату и вообще на особыхъ условіяхъ, устанавливаемыхъ земствами и городами.

Болѣе общее ограниченіе въ законопроектѣ предложено для промысловыхъ угодій:

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равныя права въ дѣлѣ распоряженія и пользованія всѣми богатствами, добываемыми изъ нѣдръ земли. *При-*

мѣчаніе. Народное правленіе и земство непосредственно завѣдуютъ важнѣйшими промыслами добывающей промышленности (каковы угольныя копи, руды, нефть, соль и т. д). Менѣе значительные промыслы оставляются въ пользованіе отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ на условіяхъ, устанавливаемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

При всей своей прямолинейности авторы этого законопроекта, не рѣшились все-таки по отношенію къ данной части общенароднаго достоянія предоставить „всѣмъ гражданамъ и гражданкамъ“ такое же право, какое они предоставили имъ по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, а именно право требовать себѣ выдѣла опредѣленной доли въ рудникѣ или копи. Совершенно очевидно вѣдь, что „особенности дѣла“ этого не позволили бы.

По тѣмъ же, нужно думать, соображеніямъ авторы законопроекта, внесеннаго во вторую Думу, по отношенію къ нѣдрамъ и вообще промысловымъ угодьямъ предпочли сказать глухо:

На основаніяхъ, однородныхъ съ изложенными въ § 8, устанавливаются правила частно-трудового пользованія нѣдрами, водами, лѣсами и другими промысловыми угодьями.

Только и всего: „однородныя правила“... Значитъ-ли это, что каждый гражданинъ имѣетъ неотъемлемое право на кусочекъ копи или, по меньшей мѣрѣ, спеціальное право на трудъ въ копяхъ? Думаю, что, если бы авторамъ законопроекта пришлось раскрыть свою формулу, то сказать это они, вѣроятно, не рѣшились бы. „Особенности въ положеніи дѣла“ этого не позволили бы... Даже по отношенію къ усадебнымъ землямъ ихъ законопроектъ не предоставляетъ права „каждому гражданину“ требовать выдѣла себѣ участка въ натурѣ. Они предпочли прямо сказать:

усадебные участки подъ всякаго рода постройки и сооруженія отводятся согласно съ правилами, устанавливаемыми государствомъ и органами мѣстнаго самоуправленія,

т. е., попросту говоря, признали за лучшее всю власть надъ этою землею сосредоточить въ рукахъ коллективности...

VIII.

Я отмѣтилъ нѣкоторыя „естественныя ограниченія“ личнаго права на землю, которыя пришлось признать его сторонникамъ при первыхъ же попыткахъ отлить свою идею въ „конкретныя правовыя и хозяйственныя формы“. Въ *настоящее время* непзбѣжность такихъ ограниченій достаточно очевидна. Я подчеркиваю „настоящее время“... Въ *прошломъ* они, можетъ быть, не были бы видны. Если бы передъ авторами законопроектовъ не было нынѣшнихъ громадныхъ городовъ съ чрезвычайно цѣнною землею, то, быть можетъ, они и признали бы за

каждымъ гражданиномъ право повсемѣстно требовать себѣ усадебный участокъ. Точно такъ же, если бы имъ не пришлось считаться съ горною промышленностью въ ея внѣшнихъ формахъ, то быть можетъ, они и нашли бы возможнымъ узаконить право поголовнаго надѣленія каменноугольными, рудными и другими подобными мѣсторожденіями: до сихъ поръ, вѣдь, въ нѣкоторыхъ общинахъ каменоломни, напримѣръ, дѣлятся по душамъ...

На смѣну захватному способу пользованія, какъ мы уже знаемъ, является при извѣстныхъ условіяхъ уравнительно-передѣльный. Изъ того, однако, что послѣдній имѣлъ или имѣетъ мѣсто въ жизни, нельзя сдѣлать заключеніе, что онъ является единственною формою равенства въ земельныхъ отношеніяхъ и что право коллективности на землю должно быть ограничено правомъ уравнительнаго передѣла. По отношенію къ ископаемымъ богатствамъ, къ усадебнымъ землямъ, къ лѣсамъ и водамъ необходимость расширить власть коллективности достаточно ясно видна уже въ настоящее время. Въ *будущемъ* же съ неменьшею очевидностью можетъ выясниться необходимость признать за нею въ интересахъ равенства неограниченное право на всю землю.

Слабая сторона отмѣченныхъ мною попытокъ указать конкретныя формы, въ какихъ должно и можетъ быть осуществлено равное право всѣхъ на землю, какъ я думаю, и состоитъ въ томъ, что авторы ихъ стремятся опредѣленную форму равенства, практикуемую при извѣстныхъ условіяхъ деревенскою общиною, распространить на всю страну, и наблюдамыя при этой формѣ правовыя отношенія между личностью и коллективностью—признать на вѣки нерушимыми. Въ этомъ стремленіи они заходятъ не одинаково далеко. Дальше всѣхъ, быть можетъ, зашелъ г. Вихляевъ, который въ своемъ проектѣ *) даже не предусматриваетъ, что передъ нѣдрами и водами ему пришлось бы отступить со своей теоріей поголовнаго надѣленія; больше всего такихъ отступленій мы находимъ въ законопроектѣ с.-р., внесенномъ ими во вторую Думу; законопроектъ 33-хъ занимаетъ, можно сказать, среднее мѣсто. Но всѣ они въ большей или меньшей степени стремятся историческій фактъ возвести въ непреложный законъ.

Что „право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами“, есть историческій фактъ, сторонники разсматриваемой мною теоріи, какъ я уже сказалъ, хорошо знаютъ. Возьмемъ хотя бы г. Вихляева. Желая объяснить пропсхожденіе этого права въ народныхъ воззрѣніяхъ, онъ

---

*) Этотъ проектъ въ болѣе подробномъ видѣ данъ П. А. Вихляевымъ въ брошюрѣ: „Аграрный вопросъ съ правой точки зрѣнія“.

ссылается на особенности русской исторіи. Глубокое различіе,—говоритъ онъ—въ теченіи исторіи Западной и Восточной Европы не могло не провести столь же глубокаго различія въ воззрѣніяхъ на содержаніе имущественнаго права русскаго крестьянина и мелкаго поземельнаго собственника Западной Европы" *) Чтобы пояснить, въ чемъ заключалось это различіе, г. Вихляевъ приводитъ слова П. Н. Милюкова. „Тогда какъ на западѣ Европы,—говоритъ послѣдній,—уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочокъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію красною нитью проходитъ процессъ разселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ" **). Съ своей стороны, г. Вихляевъ находитъ, что „главное содержаніе русской экономической исторіи составила исторія колонизаціи". Такимъ образомъ наличность въ государствѣ „ничьей" земли явилась однимъ изъ главныхъ факторовъ, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ „права всякаго члена общины на землю".

Г. Вихляевъ указываетъ и другую особенность русской исторіи.

> Право первой заимки и расчистки, содержащее въ себѣ зародышъ института частной поземельной собственности—говоритъ онъ,—не могло получить дальнѣйшаго развитія при московскомъ государственномъ укладѣ, экспропріировавшемъ по существу всѣ земли для испомѣщенія служилаго класса.... Крѣпостное право также не могло воспитать въ закрѣпощенномъ населеніи представленіе о правѣ частной земельной собственности, и это населеніе скорѣе допускало право владѣльца на свою личность, чѣмъ на свою землю, формулируя свое міровоззрѣніе словами: „мы ваши, а земля наша". Историческая жизнь русскаго земледѣльческаго населенія сложилась такимъ образомъ что объектъ частно-правовыхъ отношеній,—земля, постоянно находилась въ самой тѣсной связи съ личностью крестьянина, служа орудіемъ къ его закрѣпощенію, и почти до самаго освобожденія крестьянъ земля вступала въ гражданскій оборотъ, продавалась, закладывалась и т. п. только вмѣстѣ съ находящимися на ней крестьянами ***)

Таковъ этотъ второй факторъ. Г. Вихляевъ приписываетъ ему главнымъ образомъ отрицательную роль. „Естественно,—говоритъ онъ,—что при подобныхъ условіяхъ, гдѣ не было самостоятельнаго существованія самаго объекта права, не могло возникнуть въ представленіи населенія понятій, свойственныхъ частно-правовымъ земельнымъ отношеніямъ. Можно однако думать, что „московскій укладъ", превратившій землю „въ тотъ оборотный фондъ, при помощи котораго совершилось отправленіе государственныхъ функцій", сыгралъ и нѣкоторую положи-

---

*) П. Вихляевъ. „Право на землю" Стр. 20—21.

**) П. Н. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. I. стр. 54.

***) „Право на землю". Стр. 21, 22 и 23.

тельную роль въ формированіи воззрѣній народа на землю: населеніе привыкло мыслить крестьянина не иначе, какъ съ землею. Такимъ образомъ право на поголовное надѣленіе—правильнѣе, можетъ быть, будетъ сказать: обязанность каждаго нести государственное тягло—до извѣстной степени можно разсматривать, какъ результатъ государственной политики. Нѣкоторые,—какъ, напримѣръ, покойный Чичеринъ въ свое время,—пытались объяснить послѣднею даже происхожденіе и всю исторію русской общины. Останавливаться на этой теоріи, давно опровергнутой, не стоитъ, Если г. Сергѣевичъ сдѣлалъ въ недавнее время попытку возродить ее, то, конечно, не въ силу новыхъ научныхъ соображеній, а въ виду потребности научно оправдать тогдашнюю поземельную политику правительства. Но считаться съ указаннымъ факторомъ, оказавшимъ, несомнѣнно, замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, конечно, нужно.

Отмѣчу, наконецъ, третью особенность, которую указываетъ г. Вихляевъ уже для пореформенной жизни. Земля осталась и остается главнымъ источникомъ существованія для громадной части русскаго народа.

Фабрично-заводскіе рабочіе съ постояннымъ цикломъ работъ,—говоритъ г. Вихляевъ,—составляютъ лишь небольшую долю общаго числа лицъ, живущихъ отъ заработной платы. Болѣе характернымъ для русскаго рабочаго класса является непостоянный, сезонный характеръ его промысловаго труда. Въ силу подобнаго условія, участники этой категоріи работъ не могутъ жить исключительно одной заработной платой. Работа въ теченіе полугода не можетъ въ силу прочно установившихся законовъ экономическихъ явленій, дать содержаніе рабочей силы въ теченіе круглаго года. Эта невозможность существовать исключительно одной заработной платой для огромной категоріи промысловыхъ рабочихъ и представляетъ изъ себя могущественнѣйшій экономическій факторъ, прикрѣпляющій этихъ рабочихъ къ землѣ и къ земледѣльческому хозяйству. Но и тѣ изъ отхожихъ промышленниковъ, которые живутъ на сторонѣ круглый годъ, обнаруживаютъ тѣсную связь съ деревней. Масса населенія заинтересованная въ земледѣльческихъ доходахъ и заработкахъ, не ограничивается однимъ постояннымъ населеніемъ деревень, а включаетъ въ свой составъ значительную долю постояннаго населенія городовъ *).

Всеобщая почти заинтересованность въ земледѣльческомъ хозяйствѣ—таковъ третій „могущественный факторъ“, способствовавшій поддержанію мысли, что каждый гражданинъ долженъ имѣть свою долю въ землѣ.

Я постарался извлечь важнѣйшія мысли изъ не совсѣмъ стройнаго изложенія г. Вихляева относительно условій, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ „осуществляемаго уравнительными передѣлами права всякаго члена общины на землю“. (Я допускаю пока, какъ уже было оговорено мною, что наличность такого

*) Ibid. стр. 25

права въ народномъ сознаніи констатирована г. Вихляевымъ вполнѣ точно). Не трудно, мнѣ кажется, понять, что всѣ указанные имъ факторы имѣютъ преходящій характеръ. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы первый изъ нихъ — наличность въ государствѣ „пустыхъ, никому не принадлежащихъ пространствъ“. Обстоятельство это, несомнѣнно, могло оказывать замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, поддерживая въ немъ мысль, что каждый желающій можетъ получить себѣ надѣлъ. Если представлять себѣ государство, какъ одну общину, то можно было бы, пожалуй, утверждать, что даже въ настоящее время все землепользованіе можно построить на заимочномъ правѣ, и что въ интересахъ равенства достаточно было бы предоставить каждому, какъ это было въ захватный періодъ, свободно занимать „ничью“ землю. Вѣдь и теперь такая земля въ государствѣ еще имѣется... Такъ далеко, однако, въ отстаиваніи личныхъ правъ на землю г. Вихляевъ не идетъ,—онъ признаетъ необходимость общественной власти, выражающейся уравнительными передѣлами. Въ захватный періодъ вернуться онъ не разсчитываетъ, но онъ думаетъ, что можно на-вѣки остаться въ уравнительно-передѣльномъ. Но, вѣдь, колонизаціонный процессъ когда-нибудь завершится. Не трудно представить себѣ время, когда „чуть не каждый кусочекъ земли будетъ имѣть свою межу, своего владѣльца“. Сохранится ли тогда въ народномъ сознаніи мысль, что каждый желающій можетъ получить свою долю земли въ натурѣ? Да и теперь, когда запасы „ничьей“ земли еще имѣются, можно ли защищать равенство въ формѣ поголовнаго надѣленія? Напомню упрекъ, брошенный по адресу „права на землю“, понимаемаго въ этомъ смыслѣ, однимъ изъ к.-д. ораторовъ во второй Думѣ, который приравнялъ его къ праву получить кусочекъ тундры или тайги. Г. Мушенко отъ имени с.-р. попытался на него отвѣтить, но, по совѣсти говоря, отразить его оказался не въ силахъ. Осуществить равенство при помощи поголовнаго надѣленія даже въ средѣ земледѣльческаго населенія было бы трудно...

Возьмемъ другой факторъ—„московскій укладъ“. Про то, что онъ имѣетъ временный характеръ, говорить нечего. Любопытнѣе отмѣтить другое: въ своемъ конечномъ выводѣ г. Вихляевъ счелъ за лучшее устранить вліяніе этого фактора. Чтобы получить въ итогѣ своихъ изысканій „право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами“, онъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, „отдѣлить отъ общины историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства“. Это, конечно, и понятно: иначе, вѣдь онъ получилъ бы, пожалуй, не „право на землю“, а обязанность держать ее. Процвѣтанію личныхъ правъ „московскій укладъ“, какъ извѣстно, отнюдь не содѣйствовалъ...

Возьмемъ, наконецъ, третій факторъ—связь городского населенія съ земледѣліемъ. Считать это явленіе постояннымъ въ соціальной жизни мы тоже не вправѣ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, исторія шла въ томъ направленіи, что промысловое населеніе все больше отдѣлялось отъ земледѣльческаго, и этотъ процессъ дифференціаціи настолько далеко подвинулся, что уже въ настоящее время значительная часть населенія не можетъ удовлетвориться равенствомъ въ поземельныхъ отношеніяхъ, осуществляемымъ въ формѣ права на поголовное надѣленіе. Слишкомъ мало даетъ такое равенство тѣмъ, кто не хочетъ или не можетъ уже вернуться къ земледѣлію. Теперь мы имѣемъ наглядное доказательство тому, какъ мало удовлетворяетъ промысловую часть населенія равенство въ земельныхъ отношеніяхъ, даваемое нынѣшней общиной: первое мѣсто въ ряду укрѣплявшихъ надѣльную землю въ личную собственность, какъ извѣстно, занимали крестьяне, ушедшіе отъ земледѣлія въ промыслы. „Право на землю“, предлагаемое имъ современной общиной, они спѣшили обратить въ деньги. Г. Вихляевъ, повидимому, чувствуетъ, что проектируемое имъ равенство уже при настоящихъ условіяхъ оказывается не совсѣмъ равнымъ. И онъ спѣшитъ успокоить своихъ читателей увѣреніемъ, что благами его всѣ воспользуются.

Реальными выгодами, истекающими изъ установленія общегражданскихъ правъ на землю для преобладающей массы населенія страны,—говоритъ онъ,—воспользуется рефлекторно и неземледѣльческое меньшинство. Воспользуется тѣмъ, что рабочій рынокъ будетъ освобожденъ отъ притока деревенскихъ пауперовъ, сбивающихъ цѣну на трудъ и грозящихъ своей дезорганизованной массой силѣ сопротивленія и борьбы рабочаго класса за лучшее будущее. Воспользуется также и тѣмъ мощнымъ толчкомъ къ развитію индустріи, который будетъ данъ изъ деревни силою подъема ея благосостоянія... Но этого мало. Особенностью всякой субъективной публично-правовой нормы является то, что въ ней потенціально заложена возможность для всякаго гражданина осуществить свое право *)...

Не лишне будетъ напомнить, что сторонники личной земельной собственности предлагаютъ тѣмъ, кто не имѣетъ ея, также удовлетвориться „рефлекторными„ и „потенціальными“ благами, хотя и не вполнѣ совпадающими съ тѣми, какія указываетъ въ данномъ случаѣ г. Вихляетъ. Напоминая объ этомъ, я вовсе не хочу сказать, что считаю такія блага призрачными. Но нельзя проблему равенства,—а вѣдь мы ее обсуждаемъ,—ставить такъ, что одни будутъ пользоваться непосредственными благами, а другіе должны довольствоваться „рефлекторными“. Достаточно удовлетворительно разрѣшить эту задачу въ дифференцированномъ уже обществѣ нельзя, исходя изъ личныхъ правъ на землю,—для этого послѣднюю нужно всецѣло подчи-

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“. Стр. 61.

нить общественной власти. Только коллективное право на землю можетъ быть при усложнившейся общественной организаціи равнымъ, и только такое право будетъ для всѣхъ реальнымъ, а не потенціальнымъ, какимъ неизбѣжно для многихъ должно остаться личное право.

Въ той же формѣ равенство, въ какой проектируетъ его г. Вихляевъ, можетъ быть достигнуто только въ деревенской общинѣ, гдѣ всѣ непосредственно и одинаково заинтересованы въ земледѣліи. Достигнуть же равенства по этой системѣ въ современномъ государствѣ можно было бы, пожалуй, не иначе, какъ воспользовавшись рецептомъ, какой предложилъ нѣкій г. Полтавскій, явившійся въ качествѣ представителя соціалъ-демократической партіи въ трудовую группу первой Государственной Думы, когда тамъ разрабатывался аграрный законопроектъ. Радѣя объ интересахъ пролетаріата, онъ предложилъ раздѣлить всю землю на равные „пайки“ и предоставить по „пайку“ каждому гражданину. Такимъ путемъ,—разъяснилъ онъ,—и пролетарій получитъ свою долю; обрабатывать землю послѣдній, конечно, не будетъ, но, вѣдь, онъ можетъ сдать ее въ аренду: нѣсколько рублей все-таки получитъ... Но идти такъ далеко во взятомъ имъ направленіи г. Вихляевъ, несомнѣнно, не хочетъ; не дойдя же до точки, до которой дошелъ г. Полтавскій, равенства въ земельныхъ отношеніяхъ, можно съ увѣренностью сказать, онъ не достигнетъ...

Мы разсмотрѣли условія, которыя способствовали, по мнѣнію г. Вихляева, возникновенію и развитію въ народномъ сознаніи „права на землю“, какъ онъ его понимаетъ. Условія эти оказались временными, преходящими. Съ исчезновеніемъ ихъ,—а конецъ имъ уже близокъ,—въ народномъ правосознаніи могутъ произойти и въ дѣйствительности уже происходятъ существенныя измѣненія, въ результатѣ чего граница между личными и коллективными правами можетъ и, несомнѣнно, должна замѣтно передвинуться. Между тѣмъ г. Вихляевъ желаетъ утвердить эту границу въ качествѣ неподвижной и право на землю въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нашелъ ее въ современной общинѣ, сохранить навѣки.

Второй уже разъ я говорю: навѣки... Въ самомъ дѣлѣ: что такое представляютъ изъ себя „естественныя“ „неотъемлемыя“ права личности? Это именно права, которыя можно мыслить вѣчными, которыя должны и могутъ остаться, какъ бы ни мѣнялись историческія условія, какую бы форму ни получила общественная организація. Таковы, напримѣръ, права на свободу совѣсти, слова, собраній... Мы добиваемся ихъ въ современномъ государствѣ и не сомнѣваемся, что они сохранятся за каждой личностью въ соціалистическомъ строѣ. Мы не можемъ опустить даже мысли, чтобы какая-либо коллективность, хотя

бы при самой демократической ея организаціи, распоряжалась тѣмъ, чему граждане должны вѣровать, въ какой формѣ они должны дѣлиться мыслями. Къ числу такихъ же „неотъемлемыхъ“ правъ личности г. Вихляевъ относитъ и „право на землю“, понимаемое въ смыслѣ права на опредѣленную часть ея въ натурѣ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ допускаютъ другіе сторонники той же теоріи, на опредѣленную долю въ непосредственныхъ благахъ, какія можетъ доставить обладаніе ею. Если даже допустить, что такое право на землю дѣйствительно въ народномъ сознаніи существуетъ, то и въ такомъ случаѣ, какъ я думаю, нельзя признать его „неотъемлемымъ“, пельзя даже мыслить его вѣчнымъ.

IX.

Существуетъ ли, однако, такое право? Точно ли сторонники личной теоріи констатировали факты? вѣрно ли они сдѣлали изъ нихъ выводы? Дѣйствительно ли право на землю, обусловливающее собою передѣлы земли въ современной общинѣ, понимается народомъ, какъ личное и притомъ неотъемлемое право?

Если взять уравнительно-передѣльную общину въ извѣстной стадіи ея развитія, откинуть осложняющіе моменты ея жизни, взять, такъ сказать, остовъ существующихъ въ ней правовыхъ отношеній, то, пожалуй, можно сдѣлать выводъ, что коллективная власть надъ землею ограничивается въ ней исключительно регулированіемъ личныхъ правъ ея членовъ. Выше я уже говорилъ, когда и какъ проявляется эта власть. Въ составѣ общины появляются лица, которымъ не къ чему приложить свой трудъ или нечѣмъ кормиться,—тогда выступаетъ коллективность и, пользуясь принадлежащей ей властью, возстановляетъ права однихъ изъ членовъ, нарушенныя другими, т. е. производитъ передѣлъ. Возстановивъ равенство, коллективная власть надъ землею какъ бы замираетъ и въ общинной жизни наступаетъ періодъ господства индивидуальнаго права, каковой и длится до новаго передѣла. Такова схема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью въ уравнительно-передѣльной общинѣ. Если взять эту схему и разсматривать ее, какъ законченный фактъ, внѣ связи съ осложняющими ее въ дѣйствительной жизни остатками прошлаго и зачатками будущаго, то можно, пожалуй, прійти къ выводу, къ которому вслѣдъ за г. Изгоевымъ пришелъ В. М. Черновъ, а именно, что „юридическимъ стержнемъ“ общины является „правомочіе отдѣльнаго лица“.

Право на землю со стороны общины—говоритъ въ цитированной уже мною статьѣ г. Черновъ—не есть первоначальное право, и права отдѣльныхъ

членовъ на пользованіе не суть производныя, общиной дарованныя права. Скорѣе наоборотъ—права общины суть права производныя, ибо община есть лишь механизмъ, *регулирующій* осуществленіе всѣми ея членами, въ ряду поколѣній, своихъ индивидуальныхъ правъ на пользованіе землею. Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю; и община, какъ цѣлое, при наличности этихъ основаній *не можетъ* отказать въ землѣ. Итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя *).

„Скорѣе наоборотъ... итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя“... Не черезчуръ ли это скорый способъ дѣлать выводы? Позволю себѣ вновь напомнить читателямъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не о нравственномъ правѣ... Сознаніе, что всѣмъ нужно жить, что всѣмъ нужно кормиться и что нельзя ставить людей въ положеніе, когда имъ не къ чему приложить своихъ рукъ, несомнѣнно, присуще общинѣ и играетъ, какъ можно думать, видную роль въ ея жизни, въ томъ числѣ и въ передѣлахъ. Но не это имѣетъ въ виду В.М. Черновъ. Онъ говоритъ о „юридическомъ стержнѣ“, о „правомочіи“ отдѣльнаго лица, о правѣ, отказать въ удовлетвореніи котораго община „не можетъ“. Въ этомъ смыслѣ его выводъ мнѣ и кажется черезъчуръ ужъ поспѣшнымъ и во всякомъ случаѣ не въ мѣру упрощеннымъ.

Напомню прежде всего, что правовыя отношенія въ земельной сферѣ, поскольку рѣчь идетъ о крестьянской массѣ, у насъ еще не доразвились до личныхъ правъ,—будутъ ли то права первоначальныя или производныя. Лицевые счета въ общинѣ, можно сказать, еще не заведены; она ведетъ ихъ не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми домохозяйствами. Лицо для нея не субъектъ права, а только аршинъ, которымъ она мѣряетъ права отдѣльныхъ домохозяевъ. И вотъ этотъ-то аршинъ, употребляемый общиной, какъ оказывается, бываетъ разный.

„Рожденіе и трудъ,—говоритъ В. М. Черновъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю“... Спрашивается: нужно-ли, чтобы въ наличности были оба эти основанія или достаточно одного изъ нихъ? Изъ приведеннаго мною мѣста статьи г. Чернова слѣдуетъ какъ будто, что нужны оба: „при наличности *этихъ* основаній община *не можетъ* отказать въ землѣ“. А вотъ г. Вихляевъ полагаетъ, что достаточно одного изъ нихъ: въ основаніе „права на землю“, по его мнѣнію, должно быть положено не „право на трудъ“, а „право на существованіе“. „Право на землю—говоритъ онъ—принадлежитъ всякой личности въ государствѣ безъ различія пола и возраста“, и въ общинѣ разверстку по ѣдокамъ онъ считаетъ самою совершенною... Въ дѣйствительности же, какъ мы знаемъ, крестьяне дѣлятъ землю и по работникамъ, и по мужскимъ душамъ, и по душамъ обоего пола и просто по „семейству глядя“, въ зависи-

*) Н. Черновъ. Соціализація и община. „Народное Знамя“ 1907 г. № 1.

мости отъ того, какое основаніе представляется общинѣ при данныхъ условіяхъ наиболѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ.

„Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю“... Но не только они одни. По крайней мѣрѣ, сама община при выборѣ основанія для разверстки чувствуетъ себя гораздо болѣе свободною. Позволю себѣ привести примѣръ, рискуя, что нѣкоторымъ изъ читателей онъ покажется, быть можетъ, экстравагантнымъ. Въ одномъ изъ полученныхъ въ свое время мною писемъ, посвященныхъ происходившей въ крестьянствѣ борьбѣ изъ-за укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность, между прочимъ, говорилось:

Все остальное крестьянство не допускаетъ и мысли укрѣпить или выдѣлить кому-либо надѣльную землю въ личную собственность. Крестьяне про законъ имѣютъ плохое понятіе, все разбираютъ по своему: дескать земля мірская и принудить общество противъ его желанія никто не имѣетъ права. Только міръ, кому захочетъ, можетъ дать землю; будь у общества общественный быкъ, общество можетъ дать и этому быку надѣлъ...

Знакомые съ общинными порядками поймутъ, что это не для краснаго только словца говорится. Не рѣдкость, вѣдь, что надѣлъ быку дѣйствительно дается. Міръ такъ и понимаетъ свои права: „кому захочетъ, можетъ дать землю“. Захочетъ—и, при разверсткѣ по работникамъ или по мужскимъ душамъ, дастъ надѣлъ старухѣ, „чтобы было чѣмъ кормиться“ или вырѣжетъ лишнюю душу многосемейному „на бабъ“ или на „малолѣтковъ“.

По крайней мѣрѣ, такъ было до закона о передѣлахъ. Послѣдній лишилъ права общину допускать при передѣлѣ какія-либо отступленія отъ общаго основанія, принятаго для разверстки. Такимъ путемъ правительство желало оградить права отдѣльныхъ домохозяевъ отъ произвола міра. Я не вхожу здѣсь въ оцѣнку необходимости такого ограниченія въ интересахъ равенства, а также и того, насколько можно считать нормальнымъ, что земля служитъ средствомъ для общественной благотворительности. Для меня важно уяснить лишь, какъ самъ міръ понимаетъ свои права. И законъ о передѣлахъ я напомнилъ для того лишь, чтобы отмѣтить, что ограниченіе этихъ правъ пришло въ данномъ случаѣ со стороны государства, а не со стороны личности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что „основаніе для пріобрѣтенія права на землю“ — не есть что-либо напередъ данное, неизмѣнное. Оно свободно выбирается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ коллективностью. Теперь спрашивается: чьи права слѣдуетъ считать первоначальными и чьи производными? Слѣдуетъ ли считать первоначальнымъ право общины, которая выбираетъ основаніе для разверстки, или же право отдѣльнаго лица, которое на этомъ, не имъ выбранномъ, основаніи можетъ предъ-

являть свои притязанія къ общинѣ? Можно ли личное право, основаніе для котораго дается общиной, считать неотъемлемымъ? И. можно ли, наконецъ, „юридическимъ стержнемъ“ считать правомочіе отдѣльнаго лица, если имѣются основанія думать, что носителемъ права—даже производнаго права—въ общинѣ до сихъ поръ являлся дворъ, хотя и маленькая коллективность, а не отдѣльная личность? Увѣренъ, что отвѣтить на эти вопросы читатели не затруднятся.

Чтобы лучше уяснить взаимныя отношенія личнаго и коллективнаго права на землю въ общинѣ, считаю не лишнимъ остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ.

Община,—какъ коллективъ, поддерживающій на опредѣленной сельскохозяйственной территоріи въ ряду поколѣній равное право каждаго изъ своихъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ членовъ на пользованіе землею—это такое своеобразное явленіе,—говоритъ В. М. Черновъ,—которое не подходитъ ни подъ одно изъ опредѣленій X-го тома. Пресловутый X-й томъ знаетъ право собственности юридическаго лица; но это право такъ рѣзко отдѣлено отъ правъ пользованія отдѣльныхъ членовъ, что ему совершенно противорѣчитъ признаваемое и закономъ, и обычаемъ неотъемлемое право каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими *).

„Приравниваніе общиннаго землепользованія къ собственности на землю общины, какъ юридическаго лица“ дѣйствительно было бы „грубою ошибкою“. Но г. Черновъ идетъ въ данномъ случаѣ гораздо дальше. Надо сказать, что онъ относится въ высшей степени отрицательно къ „теоріи юридическаго лица“, которая, по его мнѣнію, „имѣетъ совершенно опредѣленное предназначеніе: именно, ассимилировать общественную собственность, подчинивъ ее законамъ буржуазныхъ правовыхъ понятій“ **). Въ этомъ опасеніи онъ заходитъ такъ далеко, что какъ будто даже забываетъ, что главная опасность, какая угрожаетъ общинѣ это то, что ея земля обратится въ „общую собственность“, какъ понимаетъ послѣднюю X-й томъ, а не то, что она сдѣлается собственностью юридическаго лица, т. е. собственностью общественной. Въ связи съ этимъ представляется крайне характернымъ, что главное отличіе общиннаго землевладѣнія отъ собственности юридическаго лица г. Черновъ видитъ въ „признаваемомъ и закономъ, и обычаемъ неотъемлемомъ правѣ каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими“. Такимъ образомъ власть коллективности оказывается ограниченной „неотъемлемымъ“ правомъ личности, уже съ другой стороны: не въ основаніяхъ разверстки, о чемъ была рѣчь выше, а въ формахъ землепользованія. Выходитъ какъ будто такъ: каковы бы ни были основанія, но

*) „Народное Знамя“, 1907 г. № 1.
**) „Народный Вѣстникъ“, 1906 г. № 2.

выдѣлъ, разъ этого требуетъ членъ общины, для послѣдней обязателенъ. Въ словахъ г. Чернова чувствуется въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, когда онъ подходитъ къ этому вопросу, нѣкоторая неясность: въ сущности неизвѣстно, на чемъ онъ ставитъ ударение — на выдѣлѣ ли, или на равенствѣ. Приходится думать, что на выдѣлѣ, такъ какъ пользоваться и распоряжаться „на равныхъ основаніяхъ“ можно и собственностью юридическаго лица, т. е. когда вся власть надъ вещью сосредоточивается въ рукахъ коллективности. Во всякомъ случаѣ г. Вихляевъ, какъ мы уже знаемъ, неотъемлемымъ правомъ считаетъ право выдѣла,—иначе, вѣдь, онъ и не могъ бы прійти къ своей теоріи поголовнаго надѣленія.

Дѣйствительно ли, однако, личность въ современной общинѣ имѣетъ это неотъемлемое право? Мнѣ кажется, достаточно будетъ напомнить немногіе факты, чтобы читатели усумнились въ наличности такого права. Прежде всего укажу на то, что община нерѣдко распоряжается своей землей, какъ „юридическое лицо“: сдаетъ ту или иную ея часть въ аренду, обращаетъ на удовлетвореніе общественной надобности, и даже просто-на-просто „пропиваетъ“ на сходѣ... И какія бы ни предъявлялись возраженія противъ того или другого изъ такихъ распоряженій съ точки зрѣнія цѣлесообразности, въ правомѣрности ихъ никто обыкновенно не сомнѣвается. Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ, что права юридическаго лица надъ своею землею община имѣетъ,—и только, быть можетъ, не всегда ими пользуется.

Съ другой стороны, дѣлежъ или равныя доли въ пользованіи являются далеко не единственною формою равенства въ тѣхъ случаяхъ, когда община свое коллективное право дробитъ на права отдѣльныхъ домохозяевъ. Вообще общинные порядки очень разнообразны, — въ нихъ много, какъ я уже сказалъ, остатковъ стараго и зачатковъ новаго. Въ частности усадебныя, напримѣръ, земли давно уже во многихъ общинахъ не подвергаются передѣламъ. Въ однѣхъ общинахъ перевѣсъ взяло индивидуальное право, нашедшее себѣ въ этомъ случаѣ особенно сильную поддержку въ писаномъ законѣ: усадьбы здѣсь находятся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, сохраняя нерѣдко тѣ самые размѣры, въ какихъ онѣ опредѣлились въ періодъ захватнаго права. Въ другихъ общинахъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ практикуются иные способы равненія—напримѣръ, путемъ обложенія излишковъ,—что объясняется, конечно, „особенностями въ положеніи дѣла“. Эти „особенности“ извѣстны и авторамъ отмѣченныхъ выше законопроектовъ, допустившимъ, какъ мы видѣли, по отношенію къ усадебнымъ землямъ отступленія отъ общаго порядка. Вообще въ формахъ уравненія, какія практикуетъ община, такъ же какъ и въ основаніяхъ разверстки, нѣтъ ничего напередъ даннаго, навсегда неизмѣннаго

При выборѣ этихъ формъ общинѣ приходится сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, и — кто знаетъ? — отъ умѣнья общины приспособить ихъ къ окружающимъ условіямъ зависѣло, быть можетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сохранилось ли общинное право или окончательно уступило мѣсто личному началу.

Не случайно для послѣдняго примѣра я взялъ усадебныя земли. У меня вовсе нѣтъ желанія перегибать палку въ другую сторону. Я думаю, что коллективное право на землю есть первоначальное, а личное право—производное, но это не значитъ еще, что послѣднее не имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, не стремится пріобрѣсти самостоятельное существованіе. Выше мнѣ пришлось уже говорить, что уравнительно-передѣльный періодъ землепользованія характеризуется борьбою двухъ правовыхъ началъ: индивидуальнаго и коллективнаго. Возникнувъ въ захватный періодъ, индивидуальное право на землю стремится все время укрѣпиться и перейти въ концѣ концовъ въ личную собственность. Коллективное право, періодически возрождаясь, уничтожаетъ его съ корнемъ, но каждый передѣлъ даетъ новое личное право—несомнѣнно, производное, — но которое немедленно начинаетъ пускать корни; стремясь пріобрѣсти самостоятельное существованіе и даже вовсе заглушить коллективное право.

И надо сказать, что въ этой борьбѣ двухъ началъ побѣда далеко не всегда остается на сторонѣ коллективности. Такъ, по отношенію къ значительной части усадебныхъ земель община почти вовсе утратила свое право, и возстановить его безъ поддержки извнѣ едва-ли ей уже удастся. Во многихъ случаяхъ права ея и по отношенію къ другимъ землямъ представляются уже сомнительными.

Крайне характерно, что, чувствуя свое безсиліе справиться съ индивидуальнымъ правомъ, община пытается иногда отъ него какъ бы отмежеваться,—сохранить хотя бы часть земли подъ своею нераздѣльною властью. Въ качествѣ примѣра укажу на владѣніе «мірскими душами» (выморочными) въ тѣхъ случаяхъ, «когда община не рѣшается ни отдать поступившую въ ея распоряженіе землю отдѣльнымъ хозяйствамъ, ни раздѣлить между всѣми».

Если земля оставляется за общиной, то послѣдняя пользуется одинаковымъ съ отдѣльными хозяйствами правомъ на опредѣленную долю во всѣхъ надѣльныхъ угодьяхъ. Такимъ образомъ она пріобрѣтаетъ новое право на часть надѣльной земли, болѣе полное и отличное отъ того, какое она имѣетъ по отношенію ко всей землѣ. Принадлежащею ей на этомъ основаніи частью надѣльной земли она можетъ распоряжаться такъ же, какъ и отдѣльный дворъ и во всякомъ случаѣ болѣе свободно (не опасаясь ссылокъ на выкупъ, удобреніе и т. д.), чѣмъ тою частью общинной земли, которая распредѣлена по отдѣльнымъ дворамъ. Такимъ образомъ на ряду съ общиннымъ въ значительной мѣрѣ условнымъ землевладѣніемъ, возникаетъ новое, спе-

ціально-общинное владѣніе. Это новое общинное владѣніе возникаетъ и развивается на развалинахъ прежняго. Чѣмъ болѣе населеніе дорожитъ землею чѣмъ рѣже въ немъ частные переходы земли, чѣмъ менѣе вѣроятна возможность общаго передѣла, тѣмъ менѣе охотно община разстается съ поступающею въ ея распоряженіе землею и тѣмъ чаще оставляетъ ее за собою *).

Только въ такой «новой общинѣ», какъ она названа въ цитированномъ сборникѣ, коллективное право на землю можно считать достаточно хорошо защищеннымъ въ борьбѣ съ личнымъ началомъ. Всматриваясь въ эту форму землевладѣнія, не трудно, какъ мнѣ кажется, убѣдиться, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ общинной уже, а съ общественной собственностью или «собственностью юридическаго лица», что не предрѣшаетъ, однако, какъ думаетъ В. М. Черновъ, буржуазнаго характера возникающихъ при этомъ правовыхъ отношеній. По крайней мѣрѣ, при эксплоатаціи «мірскихъ душъ», оставляемыхъ за общиной, послѣдняя нерѣдко «преслѣдуетъ, какъ говорится въ сборникѣ, цѣли, вполнѣ однородныя съ цѣлями общихъ и частныхъ передѣловъ»... По отношенію къ остальной землѣ, гдѣ преобладающее значеніе получило индивидуальное право, такія цѣли даже не ставятся.

Рѣзкій разрывъ коллективнаго права съ личнымъ, вродѣ только что мною указаннаго, встрѣчается сравнительно рѣдко, въ видѣ исключенія, но и за всѣмъ тѣмъ подобные случаи, какъ мнѣ кажется, очень характерны: они съ полною наглядностью вскрываютъ не только наличность двухъ борющихся въ общинѣ началъ, но и то, куда стремится отклонить линію правового развитія каждое изъ нихъ: побѣда индивидуальнаго начала ведетъ къ водворенію личной собственности на землю, побѣда коллективнаго—къ установленію собственности общественной.

X.

Мы должны заглянуть и въ будущее. Въ интересующемъ насъ вопросѣ имѣетъ значеніе не только исторія, но и логика. Важно не только прошлое народнаго правосознанія и современное его состояніе, но и то, въ какомъ вообще направленіи должна идти линія правового развитія въ земельныхъ отношеніяхъ.

Вдумаемся нѣсколько въ проблему, которою мы въ настоящій разъ заняты. Всѣ люди имѣютъ равное право на землю... Это значитъ, вѣдь, нѣчто большее, чѣмъ право на загонъ пашни или дѣлянку лѣса. Поэтому то я и предпочелъ въ своемъ мѣстѣ болѣе общую формулу: всѣ люди имѣютъ равное право на обладаніе міромъ **),—на обладаніе не только полями и лѣсами,

---

*) Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. I. Козельскій уѣздъ. Вып. II, стр. 53.

**) „Программные вопросы". Вып. I, стр. 13 и слѣд.

нѣдрами и водами, но и всякою другою вещью въ мірѣ, и исключая... того пера, которымъ я сейчасъ пишу. Уже теперь не трудно предвидѣть, что интересующая насъ соціально-этическая заповѣдь получитъ въ концѣ концовъ такой именно всеохватывающій характеръ. Но ограничимъ пока предѣлы ея дѣйствія: исключимъ то, что создано трудомъ, и приложимъ ее только къ тому, что дано природой, къ ея силамъ и къ ея матеріаламъ. Часть ихъ заключена и въ моемъ перѣ... Но возьмемъ вещь, въ которую ничего не вложено человѣкомъ, и которая цѣликомъ дана природой: напримѣръ, дерево въ лѣсу. Всѣ люди имѣютъ на него одинаковое право, но воспользоваться имъ могутъ только нѣкоторые... Уже здѣсь возникаетъ ограниченіе личныхъ правъ на вещь, уже отсюда проистекаетъ необходимость коллективной надъ нею власти. Другими словами: по линіи личнаго права нельзя дойти до полнаго равенства, и если бы мы все-таки стали стремиться къ нему, то дошли бы въ концѣ концовъ до абсурда.

Въ формѣ личнаго права на вещь возможно лишь условное равенство, лишь нѣкоторое приближеніе къ нему. Такъ его обыкновенно и мыслятъ, а именно въ видѣ доли въ вещи, равной съ другими. Но и дѣлежъ имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ начинается распыленіе вещи, уменьшеніе и даже исчезновеніе полезныхъ свойствъ въ ней. Можно распылить и землю.

Говоря выше о проектахъ, въ основу которыхъ авторы ихъ пытались положить неотъемлемое право личности на землю, я не отмѣтилъ одно изъ самыхъ существенныхъ его ограниченій, коковое всѣ они признали нужнымъ допустить. Правда, ни въ одномъ изъ проектовъ оно прямо не выражено, но изъ всѣхъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ. Всѣ они устанавливаютъ въ качествѣ минимальной „потребительную норму“ надѣла. Даже П. Вихляевъ полагаетъ, что въ этомъ отношеніи нуженъ нѣкоторый предѣлъ, который долженъ „опредѣляться размѣрами и составомъ нормальнаго земледѣльческаго бюджета, главнымъ образомъ расходной его страницей“ *). Въ расходную же страницу онъ вписываетъ: 1) нормальныя человѣческія потребности въ пищѣ, одеждѣ и теплѣ, опредѣленіе которыхъ должно составлять задачу гигіенистовъ; 2) подати и повинности, каковыя, по его мнѣнію, могутъ быть сокращены до полнаго исчезновенія, и 3) расходы на хозяйственныя потребности, какъ „предохранительные“, такъ и „меліоративные“ *). Указанными расходами,—

---

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“. Стр. 49—50.

**) Подъ „предохранительными“ расходами г. Вихляевъ разумѣетъ издержки на страхованіе; подъ „меліоративными“—издержки на улучшеніе жилищныхъ условій, на расширеніе площади землепользованія, на пополненіе инвентаря и на удовлетвореніе культурныхъ духовныхъ потребностей.

говоритъ г. Вихляевъ и должны опредѣляться размѣры того нормальнаго надѣла, на которое получаетъ право всякій русскій гражданинъ, желающій вести земледѣльческое хозяйство своимъ трудомъ". Въ общемъ такъ же опредѣляютъ минимальную норму надѣла и законопроекты, внесенные въ первую и вторую Думы. Изъ этого слѣдуетъ, что авторы ихъ въ дѣлежѣ земли считаютъ возможнымъ идти лишь до извѣстнаго предѣла. При этомъ мыслимо, что по указаннымъ нормамъ земли на всѣхъ не хватитъ. „Всякій русскій гражданинъ" имѣетъ право на землю и можетъ ее требовать, но это еще не значитъ, что всякій ее получитъ. Г. Вихляевъ такъ и говоритъ: „это право возлагаетъ на государство обязанность удовлетворить эти требованія въ размѣрѣ имѣющихся средствъ — земли". Возможно, что съ недостаткомъ наличной земли считается и законопроектъ с.-р., предусматривающій „отказъ въ отведеніи надѣловъ въ случаяхъ, того требующихъ". Такъ или иначе, но нѣкоторымъ гражданамъ, если дѣлежу будетъ поставленъ предѣлъ, придется, быть можетъ, лишиться своего неотъемлемаго права**)... Таково второе неизбѣжное ограниченіе личнаго права на вещь и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе коллективной надъ ней власти.

Поставивъ предѣлы дѣлежу и допустивъ такимъ образомъ ограниченіе личныхъ правъ на землю съ точки зрѣнія цѣлесообразности, приходится идти дальше. Если коллективность можетъ проявить свою власть, чтобы сохранить полезныя свойства вещи, то она можетъ то же сдѣлать и для того, чтобы эти свойства увеличить. Признаніе этого права за нею требуетъ та же проблема равенства: вѣдь всѣ люди, а не только тѣ, которымъ досталась земля, имѣютъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей. Еще настойчивѣе, быть можетъ, требуетъ этого проблема свободы: не доказано, вѣдь, что подчинить своей власти міръ человѣкъ можетъ успѣшнѣе всего въ индивидуальной формѣ. Соціалисты думаютъ какъ разъ наоборотъ, а именно, что только

Что касается текущихъ хозяйственныхъ расходовъ,—напримѣръ, на содержаніе скота,- то они въ расходную страницу „нормальнаго земледѣльческаго бюджета" имъ не вписаны. Но это произошло, очевидно, по забывчивости.

**) Возможно, конечно, что въ Россіи земли по потребительной нормѣ на всѣхъ желающихъ еще хватитъ. Но насъ интересуетъ сейчасъ не историческія, а логическія ограниченія личнаго права на землю. Съ этой точки зрѣнія, не лишне отмѣтить, что авторы проектовъ дошли до необходимости ограничить дѣлежъ земли не индуктивнымъ, а дедуктивнымъ путемъ Въ народномъ правосознаніи констатировать такое ограниченіе они не сумѣли бы: по крайней мѣрѣ, въ общинѣ „дѣлять землю лаптемъ поровну", хотя бы ея далеко до потребительной нормы не хватало. Я не останавливаюсь на тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ въ проектахъ принята именно эта норма Для меня достаточно отмѣтить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ логическое, а не историческое ограниченіе.

при общественномъ хозяйствѣ господство человѣка надъ міромъ будетъ наиболѣе полнымъ. Считаясь, повидимому, съ этими соображеніями, второ-думскій законопроектъ с.-р. допускаетъ и еще одно логическое ограниченіе личнаго права на землю. Какъ уже мнѣ пришлось отмѣтить, онъ признаетъ за коллективностью право отбирать землю у отдѣльныхъ лицъ и обращать ее подъ общественное пользованіе, въ цѣляхъ, между прочимъ, „установленія болѣе цѣлесообразныхъ формъ хозяйства“. Въ результатѣ онъ вынужденъ признать за каждымъ гражданиномъ право уже не на землю, не на вещь въ полномъ ея видѣ, а лишь на одно изъ свойствъ этой вещи,—право воспользоваться ею, какъ средствомъ производства, право „приложить свой трудъ къ землѣ“.

Не трудно однако, понять, что и въ этомъ, еще болѣе ограниченномъ видѣ, личное право на вещь — право на долю въ опредѣленномъ свойствѣ вещи—подлежитъ столь же существеннымъ ограниченіямъ, какъ и право на вещь въ полномъ ея видѣ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ признать за человѣкомъ спеціальное „право приложить свой трудъ къ землѣ?“ Если вступить на этотъ путь, то нужно идти дальше: нужно признать за каждымъ гражданиномъ спеціальное право пахать, сѣять, косить... Иначе право приложить свой трудъ къ землѣ немногаго стоитъ. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, себѣ хотя бы такой случай. Гражданинъ желаетъ выйти въ степь широкую съ косой вострою. Ему уже „давно гулять по травѣ степной вдоль и поперекъ съ ней хотѣлося“. И онъ уже предвкушаетъ удовольствіе:

Раззудись, плечо! размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня!

И вотъ „въ своемъ интересѣ онъ приводитъ въ движеніе правопорядокъ“: „обращается въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства...“ А тѣ предлагаютъ ему „приложить свой трудъ къ землѣ“ въ каменноугольной копи... Но нужно идти еще дальше: если признать за гражданиномъ спеціальное право приложить свой трудъ къ пашнѣ, къ лугу, къ лѣсу и къ нѣдрамъ, то нужно признать и право приложить свой трудъ къ станку опредѣленной конструкціи, — больше того: пользоваться даннымъ именно топоромъ, этой именно сохой?.. Можетъ ли быть такое право?

Такъ же невозможно было бы признать за гражданиномъ право на опредѣленную долю какого-либо иного свойства земли, — напримѣръ, право на опредѣленную долю въ продуктѣ, какъ склоненъ ставить этотъ вопросъ по отношенію къ матеріалу для построекъ, топливу и т. п. „Проектъ основного закона о землѣ“, изд. Новожиловымъ. Вообще нельзя, какъ мнѣ кажется, признать за личностью права на опредѣленный трудъ или на

опредѣленный продуктъ такъ же, какъ нельзя признать за коллективностью права принуждать къ опредѣленному труду или къ потребленію опредѣленнаго продукта. Задача примирить въ этомъ случаѣ интересы личности и коллективности, думается мнѣ, выходитъ изъ сферы права, не можетъ быть разрѣшена обязательными для той или другой стороны нормами. Оставаясь же въ правовой сферѣ, если и можно признать какое-либо право за той и другой стороной, то развѣ только право на трудъ вообще: государство можетъ требовать, чтобы гражданинъ трудился, гражданинъ можетъ требовать, чтобы ему была предоставлена для этого возможность. Но и то, нужно сказать, мы еще не знаемъ, можно ли это право выразить, имѣя въ виду современныя условія, въ какихъ-либо юридическихъ нормахъ.

Во всякомъ случаѣ установить эти нормы можетъ только коллективность, отъ нея должно зависѣть, какія права на вещь можетъ имѣть личность, ея право является первоначальнымъ, неотъемлемымъ. Личныя же права на вещь — будутъ производныя, „дарованныя“...

Къ тому же выводу мы придемъ, если пойдемъ другимъ путемъ. Вернемся, въ самомъ дѣлѣ, къ тому пункту нашихъ разсужденій, гдѣ мы убѣдились, что всѣ люди получить долю въ землѣ не могутъ. Отъ кого зависитъ, какіе именно граждане изъ всѣхъ желающихъ могутъ ею воспользоваться? Зависитъ ли это всецѣло отъ общественной власти, или имѣются независимыя отъ нея личныя права, которыя ей нужно только санкціонировать?

Независимыхъ отъ общественной власти основаній для индивидуальнаго права на землю, если не считать такихъ, какъ пріобрѣтеніе силой или обманомъ, народное правосознаніе, какъ мы видѣли, знаетъ только два: право первой заимки и право затраченнаго труда. Оба они еще очень сильны въ народныхъ воззрѣніяхъ, и въ практическихъ задачахъ аграрной политики съ ними, и въ особенности со вторымъ изъ нихъ, несомнѣнно еще долго придется считаться. Но насъ сейчасъ интересуетъ не это, — не компромиссы, какіе могутъ встрѣтиться по дорогѣ, а цѣль, къ которой нужно стремиться.

Что касается права первой заимки, то конкуррировать съ какимъ-либо другимъ основаніемъ для права оно, конечно, не можетъ. Обыкновенно оно заявляетъ о себѣ лишь тогда, когда нѣтъ въ наличности другихъ основаній. Въ общемъ право перваго можетъ играть въ современной жизни приблизительно ту же роль, что и жребій,—развѣ только немного больше. Даже въ періодъ своего господства оно должно было искать себѣ поддержку, какъ мы видѣли, въ правѣ труда, хотя тогда — по отношенію къ „ничьей“ землѣ—оно, конечно, гораздо легче, чѣмъ

теперь, могло явиться источникомъ абсолютнаго права. Въ настоящее время, по сравненію со всѣми другими основаніями, оно можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, и если я сказалъ, что съ нимъ въ практической политикѣ придется считаться, то, имѣя въ виду главнымъ образомъ такія изъ него послѣдствія, какъ преимущественное право на ту или иную землю мѣстнаго населенія передъ пришлымъ или сельскохозяйственнаго передъ промысловымъ.

Несравненно большее значеніе можетъ имѣтъ право труда. Народное правосознаніе до сихъ поръ склонно считать трудъ, если не единственнымъ, то главнымъ основаніемъ права на вещь, въ томъ числѣ и на землю. И сторонникамъ коллективной власти надъ нею труднѣе его оспаривать, чѣмъ какое-либо другое. Трудъ, какъ я уже указывалъ, атрибутъ личности, и продуктъ труда какъ бы непосредственно съ нею связанъ. Особенно живо эта связь чувствуется въ строѣ индивидуальнаго хозяйства. Поэтому-то личная собственность, основанная на трудѣ, большинству представляется вполнѣ правомѣрной. Но наука предъявляетъ, какъ извѣстно, „существенное возраженіе противъ теоріи, обосновывающей собственность на трудѣ, указывая неправильность лежащаго въ ея корнѣ индивидуалистическаго ученія о производствѣ, созданнаго школой физіократовъ и Ад. Смита“.

Въ силу этого ученія—говоритъ г. Гамбаровъ—индивидуальный трудъ поддержанный эвентуально капиталомъ, какъ продуктомъ прежняго труда и его сбереженій, обладаетъ производительною силою самъ по себѣ, т. е. независимо отъ общественныхъ и государственныхъ условій его примѣненія. Но теперь едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на всю силу инстинкта эгоизма въ человѣкѣ, склоняющаго его считать себя полнымъ хозяиномъ, какъ своихъ физическихъ и умственныхъ способностей, такъ и плодовъ своего труда,—соціальная жизнь становится всегда поперекъ этому притязанію и дѣлается участницей во всемъ, что каждый изъ насъ имѣетъ и дѣлаетъ. Прежде всего безъ соціальной или коллективной жизни не могли бы существовать и тѣ способности, которыми мы такъ справедливо гордимся. Предполагаемыя этой жизнью сношенія людей другъ съ другомъ необходимы для развитія ума и навыковъ,—въ свою очередь необходимыхъ для производства богатствъ. Если бы еще какая-нибудь цѣнность могла создаваться индивидуальнымъ трудомъ, то мы были бы вправѣ говорить о собственности, основанной на трудѣ. Въ этомъ случаѣ трудъ, безъ котораго не существовало бы цѣнности, служилъ бы дѣйствительнымъ основаніемъ для права на эту цѣнность. Но на дѣлѣ каждый индивидъ создаетъ только форму продукта, а не его матеріалъ, который доставляется природой. Сюда присоединяется въ качествѣ опредѣляющаго условія и участіе общества и всего человѣчества въ созданіи каждаго продукта, такъ что въ послѣднемъ анализѣ частная собственность, какъ и всякая другая, оказывается заключенной между двухъ полюсовъ, индивидуальнаго и соціальнаго. Каждый изъ насъ обремененъ уже при рожденіи тяжелыми обязанностями въ отношеніи къ другимъ, и въ обмѣнъ за все полученное отъ среды мы отдаемъ ей значительную часть своей энергіи и своего имущества. Говоря иначе, каждая собственность является отчасти индивидуальной, отчасти соціальной *).

*) „Вещное право“. Лекціи Ю. С. Гамбарова. Стр. 154—156.

Эта соціальная часть въ каждой вещи, созданной трудомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ отношеній и мѣнового хозяйства и даже только въ силу накопленія общечеловѣческой мысли и общечеловѣческаго опыта, все увеличивается, а индивидуальная—все уменьшается. Для массы, въ особенности крестьянской, живущей во многомъ традиціями натуральнаго хозяйства и работающей, главнымъ образомъ, въ мелкихъ индивидуальныхъ предпріятіяхъ, далеко еще неясно, что вещь въ значительной ея части является продуктомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго труда. Поэтому-то въ народномъ сознаніи такъ прочно и стоитъ еще право послѣдняго. Можно, однако, думать, что если ни что иное, то развитіе мѣновыхъ отношеній и борьба интересовъ на рынкѣ, въ каковую все больше и больше втягивается крестьянство, заставитъ его убѣдиться въ томъ, что наука и теперь уже ясно видитъ. Во всякомъ случаѣ мы-то нисколько не сомнѣваемся въ тѣхъ перспективахъ, которыя насъ ждутъ. Мы-то увѣрены, что индивидуальное хозяйство уступитъ мѣсто коллективному. Право труда являвшееся до сихъ поръ единственнымъ справедливымъ основаніемъ для личнаго права на вещь, уже теперь является не менѣе серьезнымъ основаніемъ для права коллективности на нее, а въ будущемъ приведетъ, несомнѣнно, къ еще большему преобладанію и, можно думать, даже къ полному торжеству послѣдняго.

Что касается земли, то въ цѣнности ея уже въ настоящее время затраты индивидуальнаго труда представляются совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что дано природой, что создано обезличеннымъ уже трудомъ предыдущихъ поколѣній и что привносится, наконецъ, современными общественными условіями. Поэтому и личное право на нее уже теперь сравнительно съ коллективнымъ является слишкомъ мало обоснованнымъ. Перевѣсъ послѣдняго достаточно ясно, какъ мы видѣли, признается и народнымъ правосознаніемъ. И если бы крестьянскую мысль заставить рѣшать вопросъ о правѣ на землю не въ тѣсныхъ предѣлахъ деревенской общины, а по отношенію ко всему государству, то, я думаю, можно не сомнѣваться, что она рѣшила бы его въ пользу коллективности. При всей силѣ трудового начала въ народномъ правосознаніи, въ сферѣ земельныхъ отношеній, какъ мнѣ кажется, возможно было бы ограничиться въ его пользу одной уступкой—вознагражденіемъ за неиспользованныя улучшенія.

Резюмируя вкратцѣ доводы, изложенные въ настоящей главѣ, я думаю мы вправѣ сказать: если не сознательныя усилія людей, то логика самой жизни приведетъ ихъ къ коллективной власти надъ вещью и прежде всего надъ землею; если бы люди въ своемъ стремленіи къ равенству и свободѣ, завязали себѣ глаза, то они ощупью пришли бы въ концѣ концовъ все-

таки къ такому рѣшенію; и если бы съ личной власти надъ землею сняты были всѣ ограниченія,—а ихъ по отношенію къ частной собственности даже въ западно-европейскомъ законодательствѣ имѣется уже не мало *),—то и въ такомъ случаѣ борьба личныхъ правъ привела бы такъ или иначе къ торжеству коллективнаго начала.

XI.

Насъ все время интересовала линія правового развитія, которая ведетъ къ равенству въ земельныхъ отношеніяхъ. Я отмѣтилъ довольно многіе ея пункты; и, мнѣ кажется, что она уже достаточно для насъ опредѣлилась. Попробуемъ обозначить ее схематическою чертою.

Выше я отмѣтилъ двѣ наиболѣе характерныя, какъ мнѣ казалось, стадіи въ развитіи земельнаго права: захватный періодъ землепользованія и уравнительно-передѣльный. Можно сказать, что въ первомъ изъ нихъ равное право на землю осуществлялось въ нормахъ *личной свободы*, во второмъ—для этого уже требовалось активное вмѣшательство *общественной власти*. Коллективное право на землю, возникшее вообще раньше индивидуальнаго, сохранялось, какъ можно думать, и въ первомъ періодѣ, но оставалось въ скрытомъ состояніи, проявляясь лишь въ отстаиваніи общими силами земли отъ внѣшнихъ посягательствъ. Моментъ для перехода его изъ пассивнаго въ активное состояніе насталъ, когда запасы „ничьей“ земли, земли безъ людей, если можно такъ выразиться, изсякли. Но роль коллективной власти въ этомъ второмъ періодѣ ограничивалась сравнительно тѣсными предѣлами: равенство могло осуществляться путемъ дѣлежа самой земли и каждый такимъ путемъ получалъ свою долю въ благахъ, проистекающихъ отъ обладанія ею. Въ

---

*) „Опредѣленія аграрнаго, горнаго, лѣсного и т. п. спеціальныхъ законодательствъ, прямо и глубоко ограничивающія распоряженія частной собственностью, представляютъ собою—говоритъ г. Гамбаровъ—ни что иное, какъ выраженіе общественной и коллективной собственности на тѣ же предметы, которые состоятъ въ частномъ обладаніи. Если законъ обязываетъ меня къ улучшенію культуры на моей землѣ, къ уходу за моими же виноградными лозами, пораженными филоксерой; если онъ не разрѣшаетъ мнѣ разработки руды, находящейся на моей землѣ иначе, какъ на особой концессіи, или даже передаетъ, помимо меня, разработку этой руды другому лицу, не имѣющему отношенія къ моей собственности; если онъ, далѣе, запрещаетъ мнѣ рубку лѣса, растущаго въ моемъ имѣніи, или вынуждаетъ меня къ вступленію въ товарищества по сооруженію и содержанію плотинъ, шлюзовъ или искусственному орошенію и осушенію полей и т. д., то во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ, за которымъ стоитъ общество, предъявляетъ къ частной собственности свое право общественной собственности, пока не разрушающее, но вполнѣ способное, при наступленіи извѣстныхъ условій, и разрушить частную собственность“. („Вещное право“, стр. 120—121).

той же реформѣ равенство можетъ, пожалуй, осуществляться и теперь, но только въ тѣсной деревенской общинѣ, всѣ члены которой непосредственно заинтересованы въ земледѣліи. Если же взять современное дифференцированное государство, то осуществить въ немъ равное право всѣхъ на землю такимъ же путемъ—предоставленіемъ каждому права на долю въ ней—уже немыслимо. Условія существенно измѣнились: не только изсякли запасы земли безъ людей, но и появились цѣлые классы людей безъ земли, которые не могутъ непосредственно изъ нея извлечь свою долю въ доставляемыхъ ею благахъ. Достаточно этого одного, чтобы признать равенство неосуществимымъ въ той формѣ, въ какой его практиковала и практикуетъ уравнительно-передѣльная община. Нельзя достигнуть его и возвратомъ къ личной свободѣ въ земельныхъ отношеніяхъ; нужно идти дальше—къ усиленію въ нихъ коллективной власти. Коллективное право на землю, которое достаточно полно и сильно въ народномъ сознаніи, должно усилить свою роль въ жизни. Мы попробовали эту черту, которую намѣтили для насъ факты, провѣрить другой, которую можно провести въ мысли, стремясь продлить таковую возможно дальше. Мы убѣдились, что она ведетъ въ томъ же направленіи—къ торжеству коллективнаго права.

Совпадаетъ ли эта черта съ общей линіей, которая ведетъ къ нашимъ идеаламъ? Не проводимъ ли мы ее какъ разъ въ обратномъ направленіи? Отъ свободы къ власти,—говоримъ мы,—нужно вести линію земельнаго права. Но вѣдь мы должны идти отъ власти къ свободѣ...

Обратимся,—говоритъ В. М. Черновъ,—къ нашему народному воззрѣнію. Крестьяне часто уподобляютъ предстоящій земельный переворотъ реформѣ 1861 года. Тогда,—говорятъ они,—люди были крѣпостными. Ими можно было торговать, дарить, мѣнять ихъ на собакъ. Они были собственностью. Въ 1861 году людей освободили. Но земля осталась въ „крѣпости“. Ее, нашу общую мать-кормилицу, и теперь еще можно дѣлить, продавать, покупать; ею, нашею матерью, можно барышничать. Земля еще не освобождена отъ собственности. Это и должно произойти. Вслѣдъ за освобожденіемъ людей должно послѣдовать *освобожденіе земли* *).

Слова имѣютъ свое обаяніе, но я побоялся бы пользоваться имъ, и особенно побоялся бы въ данномъ случаѣ. Въ народной памяти, несомнѣнно, сохранились воспоминанія о томъ времени, когда земля была „ничья“, оставалась внѣ правовой власти. Лозунгъ „освобожденіе земли“ легко можетъ быть воспринятъ въ этомъ, именно, смыслѣ: какъ будто все дѣло заключается въ томъ, чтобы возвратиться въ первобытное, до-правовое состояніе. Но вѣдь не этого мы хотимъ. Стоящая передъ человѣчествомъ задача заключается не въ томъ, чтобы освободить землю, а въ томъ, чтобы всецѣло подчинить ее власти,—въ данномъ слу-

*) „Народный Вѣстникъ“, 1906 г. № 2.

чаѣ правовой власти. И, лишь идя въ этомъ направленіи, мы можемъ прійти туда, куда стремимся,—къ *освобожденію человѣка*.

Человѣкъ и вещь должны размѣститься на разныхъ полюсахъ правовой оси. Въ томъ, чтобы достигнуть этого, заключается, быть можетъ, главная задача правового развитія. Было время, когда человѣкъ для человѣка былъ вещью,—такою же, какъ всѣ остальныя частицы природы,—съ тою лишь разницею, что онъ представлялся особенно привлекательной вещью, такъ какъ обладаніе имъ больше, чѣмъ что-либо другое, усиливало власть надъ остальнымъ міромъ. Людей, какъ и всякую другую вещь, продавали, дарили, мѣняли,—больше того: уничтожали, ихъ ѣли... Прошли многіе вѣка—цѣлыя тысячелѣтія—прежде, чѣмъ власть человѣка надъ человѣкомъ была ограничена, поставлена въ опредѣленныя правовыя рамки. Пришлось пережить періоды людоѣдства и рабства, феодализма и абсолютизма, прежде чѣмъ цѣль, къ которой нужно идти, передъ человѣчествомъ вырисовалась. На долю XVIII вѣка выпала заслуга ее обозначить. Теперь мы уже знаемъ къ чему нужно идти: право распоряженія человѣкомъ должно принадлежать ему самому; не только другой человѣкъ, но и коллективность не можетъ посягнуть на его личность. Человѣкъ долженъ быть свободенъ. Такъ стоящая передъ человѣчествомъ задача была формулирована либерализмомъ.

Но либерализмъ къ числу неотъемлемыхъ правъ личности отнесъ и власть человѣка надъ вещью. Это была буржуазная свобода, и цѣну ея люди очень скоро узнали. Если прежде властью надъ человѣкомъ пользовались, чтобы получить власть надъ вещью, то теперь пользуются властью надъ вещью, чтобы получить власть надъ человѣкомъ. Чтобы довести до конца освобожденіе человѣка, нужно отнять у него власть надъ вещью. Значитъ ли это освободить вещь, сдѣлать „ничьею“, оставить безъ „хозяина“, предоставивъ каждому свободно ею пользоваться? Нѣтъ! это значитъ право распоряженія ею нужно предоставить коллективности. Такъ формулирована вторая половина стоящей передъ человѣчествомъ задачи соціализмомъ.

Я черчу схему и потому привожу ту и другую часть отвѣта въ самой упрощенной формѣ. Читатели знаютъ, что въ цѣломъ этотъ отвѣтъ сложнѣе и что въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ предусматриваетъ коллективную власть надъ человѣкомъ и личную власть надъ вещью. Мнѣ хочется отмѣтить лишь основные пункты, къ которымъ нужно стремиться въ томъ и другомъ направленіи,—въ отношеніяхъ къ человѣческой личности и въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Но на одномъ осложненіи, способномъ, какъ мнѣ кажется, уяснить, гдѣ проходитъ водораздѣлъ между личнымъ и коллективнымъ правомъ остановиться все-таки нужно.

Либерализмъ въ буржуазномъ его истолкованіи въ число свободъ включаетъ свободу личнаго договора. Каждому предоставляется въ видѣ общаго правила обязываться свободно передъ другими всякаго рода дѣйствіями (за исключеніемъ безнравственныхъ и противныхъ государственному порядку и закону), при чемъ надъ обязывающимся этими дѣйствіями лицомъ тяготѣетъ и судебное принужденіе. Относясь отрицательно къ власти человѣка надъ человѣкомъ, либерализмъ тѣмъ не менѣе допускаетъ ее, по добровольному, такъ сказать соглашенію, при чемъ обезпечиваетъ ей коллективную санкцію. Соціализмъ допускаетъ, что отдѣльное лицо, по общему правилу, можетъ обязываться тѣми или другими дѣйствіями только въ отношеніи государства. Даже по добровольному соглашенію онъ не считаетъ возможнымъ разрѣшить человѣку власть надъ человѣкомъ.

Если принять эту поправку, то мы можемъ еще больше упростить данную выше схему. Мы можемъ сказать: полная свобода—личности, вся власть—коллективности. Таковы конечные пункты правового развитія. Только свобода неотъемлемо должна принадлежать гражданину, всѣ остальныя права, а стало быть и право на землю, онъ можетъ получить только отъ государства и не иначе какъ въ публичной формѣ, т. е. какъ гражданинъ и ни на какомъ иномъ основаніи*).

Вся власть должна принадлежать коллективности. Этого, повидимому, и испугались товарищи по направленію, отправившіеся въ поиски за личнымъ правомъ на землю. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ В. М. Черновъ въ цитированной уже не разъ мною статьѣ:

> Между собственникомъ и собственностью,—съ одной стороны, между собственностью и плодами собственности—съ другой, встаетъ государство. Въ его пользу собственникъ вынужденъ поступаться все большей и большей частью своихъ прерогативъ. Какъ логическій конецъ этого процесса, теоретической мысли рисуется,—а извѣстнымъ общественнымъ теченіемъ и провозглашается въ видѣ лозунга—поглощеніе государствомъ и всѣхъ остальныхъ правъ, нынѣ еще не ускользнувшихъ изъ рукъ собственника. И вотъ здѣсь-то и встаетъ неожиданно, но со всею силою формально-логическаго вывода, тревожная мысль: не таится ли въ этой перспективѣ, нежданно-негаданно, воскресеніе—и даже болѣе того—первое реальное воплощеніе абсолютнаго права „квиритской собственности“? Собственникъ не былъ до сихъ поръ тѣмъ „неограниченнымъ властелиномъ“, которой рисовался теоріей, потому что часть его правъ была экспропріирована государствомъ. Но теперь, послѣ того, какъ государство безъ остатка сосредоточило въ своихъ рукахъ *всѣ* права *всѣхъ* отдѣльныхъ собственниковъ, не стало ли оно, какъ юридическое лицо „Единымъ Великимъ Квиритомъ“ римскаго права, съ вѣчной, неограниченной, полной, всесторонней, и какъ тамъ еще ее называютъ, властью надъ землей? И тогда невольно охватываетъ жуткое чувство при мысли о „дести-

---

*) На этомъ послѣднемъ, очень важномъ, пунктѣ я сейчасъ не останавливаюсь, такъ какъ мнѣ пришлось уже его касаться. См. главы I—III.

патріяхъ" поземельной политики этого новаго колосса римскаго,—такихъ маленькихъ, такихъ жалкихъ бѣднягахъ по сравненію съ нимъ, всевластнымъ и величественнымъ *).

Отсюда, повидимому, и явилось желаніе „освободить землю" и надѣлить „дестинатарія поземельной политики"—гражданина,—неотъемлемымъ правомъ на землю.

Проблема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью представляется, какъ извѣстно, одной изъ труднѣйшихъ. Въ своей практической постановкѣ она не рѣдко является прямо тягостной. Слишкомъ несовершенны еще и коллективность, и личность. Достаточно сказать, что первую мы еще вчера только имѣли въ видѣ полицейскаго государства, вторую—въ видѣ „человѣка въ грязи и съ сумой". Это не мѣшаетъ, однако, мнѣ, проектируя будущее, видѣть ихъ гармонично сочетавшимися. Опасность, которой испугался В. М. Черновъ, не представляется мнѣ столь близкой и столь неотвратимой. Прежде, чѣмъ „Единый Великій Квиритъ" явится, маленькій и жалкій бѣдняга-гражданинъ, думаю я, еще вырастетъ. Во всякомъ случаѣ предотвратить опасность, какою угрожаетъ коллизія между ними, можно только однимъ путемъ, сдѣлавъ гражданина свободнымъ и государство народнымъ. Это общая демократическая проблема. Только вмѣстѣ съ нею можно рѣшать аграрный вопросъ и только вмѣстѣ съ нею его можно рѣшить. Не сразу, можетъ быть, но рѣшить можно.

Во всякомъ случаѣ какія бы трудности насъ ни ожидали на этомъ пути, и какія бы неудобства намъ ни пришлось перенести, это еще не резонъ, чтобы съ него сворачивать или даже дѣлать только видъ, что мы идемъ, куда-то въ сторону. Конечный пунктъ, куда мы идемъ, нужно обозначить совершенно точно. Мы идемъ къ коллективизму.

Земля и воля—такова обычная наша формула. Ее можно и нужно сдѣлать болѣе опредѣленной. Мы должны сказать: воля—гражданину, какъ личности, земля—народу, какъ коллективности.

Библіотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

*) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 2.

1 50

А. В. Пѣшеховъ.

	цѣна.
Націонализація земли	— р. 15 к.
Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія.	— р. 50 к.
Программные вопросы. Вып. II. Историческія предпосылки	— р. 50 к.
Для чего учреждена и какъ устроена Народно-соціалистическая (трудовая) партія	— р. 15 к.
На очередныя темы	1 р. 50 к.
Экономическая политика самодержавія	— р. 30 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1917 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Русское Богатство“

(РУССКІЯ ЗАПИСКИ).

Журналъ выходитъ въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, Вл. Г. Короленко, Ѳ. Д. Крюкова. В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева. А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова и А. Е. Рѣдько.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ іюня с. г. **повышена:** съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ для новыхъ подписчиковъ—20 руб., на 6 мѣсяцевъ—10 руб., на 4 мѣсяца—7 руб.

За границу: на годъ—25 р., на 6 мѣсяцевъ—12 р. 50 к.

Отдѣльная книжка въ розничной продажѣ 3 р., наложеннымъ платежомъ—3 р. 40 к.; на вокзалахъ 3 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ: въ конторѣ журнала—Басковa ул., д. 9.

Въ Москвѣ: въ книжномъ складѣ „Задруга“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.

Уступка книжнымъ магазинамъ, земскимъ складамъ, потребительнымъ обществамъ и коммиссіонерамъ по пріему подписки—при уплатѣ денегъ за годъ или за полгода—5%.

За каждую перемѣну адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. (можно почтовыми марками) **и указывать № бандероли или свой прежній адресъ.**

При всѣхъ запросахъ контора редакціи проситъ присылать марку на отвѣтъ.

Складъ изданія: Т-во „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.

ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная, 24.